МИФЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛИЗМА

Коллектив авторов
Илья Герасимов
Марина Могильнер
Александр Семенов

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084175
Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: Новое издательство; М.; 2010
ISBN 978-5-98379-139-8

Аннотация

Сборник «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» включает в себя тексты, написанные авторитетными современными социологами, историками и политологами, и позволяет ознакомиться с новыми подходами к изучению имперской проблематики и национализма в диапазоне от постколониальных исследований до сравнительной истории мировых империй.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение 4
Осмысление нации в социальных науках 13
Исследования империи в свете критической теории национализма 22
I 31
Ханс Кон 31
1 31
2 45
3 52
4 63
5 66
Роджерс Брубейкер 83
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Коллектив авторов
Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма

Введение
В поисках ясности в исторической природе национализма и империи

Что такое нация? Если основываться на этимологии и первоначальном значении латинского слова *natio* (общность по рождению, происхождению), ответ будет один; если посмотреть на современное употребление слова *nation* в европейских языках – совсем другой. А если обратиться за разъяснениями к политологам, социологам, историкам и специалистам по исследованию национализма, то всякая ясность и определенность пропадут окончательно. Это связано как с разницей в теоретических подходах разных групп исследователей, так и с тем, что сам термин «нация» является частью живого политического языка современности, языка переговоров и борьбы, утверждения и оспаривания политических и

социальных претензий. Поэтому в различных ситуациях он принимает различные значения. Научные дискуссии о нации и национализме на русском языке осложняются, во-первых, унаследованным от советских времен примордиалистским пониманием природы национального[1], а во-вторых, полной неразберихой в переводной терминологии и литературе, без которой было не обойтись в начале постсоветской научной дискуссии о национализме и которая сваливалась на головы читателей в последние два десятилетия, наподобие пестрых загогулин в «Тетрисе». Каждый русскоязычный читатель, включая специалистов по национальной проблематике, вынужден сам организовывать интертекстуальное пространство, которое складывалось в условиях одновременного и бессистемного появления текстов Эрнеста Ренана 1880-х годов и Бенедикта Андерсона 1980-х, Ханса Кона 1920-х и Эрнеста Геллнера 1960-х, 1980-х и 1990-х годов… В результате возникают химерические конструкты, склеенные из обрывков разных текстов и научных традиций, которые не позволяют поддерживать общую дискуссию из-за крайней идеосинкратичности индивидуальных интерпретаций.

Представляемая вниманию читателей антология не является попыткой предложить некую «верную» трактовку проблемы нации или реконструировать историю ее изучения за последние полтора столетия. Эта книга включает в себя тек-

---

[1] Об этом много и убедительно писал В.А. Тишков: *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

сты, в которых авторы размышляют над подходами и терминологией в области изучения национализма и империи. Сверхзадача настоящей антологии состоит в том, чтобы показать, какие тексты и в каком проблемном контексте актуальны сегодня для историков, социологов и политологов, формирующих и развивающих направление «исследований национализма».

Собранные статьи переводились и публиковались на протяжении 2000-х годов в журнале Ab Imperio. Этот журнал является, вероятно, единственным российским научным периодическим изданием, которое не только формально интегрировано в структуры мирового обществоведения (журнал аффилирован с Американской ассоциацией содействия славянским исследованиям и включен в международные индексы цитирования), но и играет роль одного из лидеров международного научного процесса в своей области. Для постоянной журнальной рубрики «Методология» были отобраны тексты, в которых предлагалась наиболее продуктивная концептуальная рамка для обсуждения различных сюжетов и ситуаций, связанных с нацией и национализмом: будь то проблема социальных границ или исторического времени, войны или экологической политики. Эти тексты не являются иллюстрацией уже знакомого российскому читателю деления теории национализма на модернистское, перенниалистское и конструктивистское направления (примеры этих подходов можно найти в переведенных на русский язык и широко до-

ступных сегодня работах Эрнеста Геллнера, Энтони Смита и Бенедикта Андерсона, а также в ряде обзоров литературы по национализму)[2]. Наш сборник включает в себя исследования, относящиеся к ранней традиции теоретического осмысления национализма (Ханс Кон) и выпавшие из поля зрения издательских коллективов, внимание которых сконцентрировано прежде всего на социологической и политологической ветвях в изучении национализма. Мы также предлагаем российскому читателю почти неизвестные у нас работы таких современных теоретиков, как Билл Ашкрофт, Фредерик Купер и Роджерс Брубейкер, работающих в лингвистически-когнитивном ключе и пересматривающих установившиеся нациецентричные подходы и простую дихотомию постколониальных моделей.

Эти работы имеют принципиальное значение для разрабатываемого журналом Ab Imperio направления «новой имперской истории», являющейся одновременно результатом и реакцией на происходящий на наших глазах бурный всплеск имперской и национальной проблематики. В «новой имперской истории» понятие нации не противопоставляется поня-

---

[2] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001: а также: Национализм и формирование нации: Теории модели интерпретации / Под ред. А.И. Миллера. М., 1994; *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005.

тию империи – оба они осмысливаются как категории анализа и контекстуализируются. Представленные в сборнике материалы хорошо иллюстрируют пределы абстрактной категоризации понятия империи, которое начинает включать в себя вещи самого разного порядка и теряет аналитическую ценность. Отраженный в статьях антологии опыт деконструкции категории нации дает очень многое для понимания того, как можно и нужно работать с набирающим все большую популярность понятием империи.

В силу традиции политического языка, которая без дополнительной рефлексии принимается современными исследователями, понятие «империя» автоматически подразумевает особый недемократический режим управления и существование «великой державы», которая распространяет свое влияние на обширные территории и удерживает под своим контролем разные народы. В этом образе интуитивно схвачены черты исторического феномена империи, который связан с властью, господством и опытом культурного разнообразия. Однако такое понимание не дает объяснения, почему же национальное государство не может быть влиятельным игроком на международной арене, а режим разделения подданных на «государствообразующую народность» и «инородцев» – политикой национализирующегося государства, а не империи? Закономерность подобных вопросов подчеркивает необходимость рассмотрения феноменов империи и национализма не изолированно, а в рамках единой аналитиче-

ской модели, выявления их диалектической взаимосвязи как понятий и форм осмысления социальной реальности.

Как показывают публикуемые в настоящем сборнике статьи, категория империи принципиальна для критического анализа понятия нации. Можно вспомнить, что критический модернистский и конструктивистский анализ нации и национального государства в работах Эрнеста Геллнера и Бенедикта Андерсона начинался с противопоставления аграрно-письменного, религиозного общества и династического государства, с одной стороны, индустриальному обществу и национальному воображаемому сообществу – с другой. Исторический опыт домодерных и композитных империй был для Геллнера и Андерсона важной отправной точкой, изобличавшей кажущуюся естественность и извечность наций и помогавшей увидеть механизмы и исторические силы, их создающие. На этом этапе нация была противопоставлена империи как современная форма социальной и политической организации – архаической. В нации видели результат разложения «феодальной» государственности, основанной на завоевании чужих территорий, и разделения традиционного общества на более современные, культурно однородные и легитимные политические и социальные единицы. Считалось, что с приходом века национализма архаические империи уступают свое место нациям и национальным государствам, которые также могут проводить политику империализма вовне своих национальных и государственных границ.

Новейший этап постколониальных исследований, работы историков-европеистов и американистов существенно скорректировали эту модель. Оказалось, что по крайней мере с XVII века европейские империи играли важную роль в процессе нациестроительства, используя по сути «национальные» практики классификации и гомогенизации населения и проведения экономических и социокультурных границ. В свете современных работ стало понятно, что аналитическое разделение исторического опыта модерных колониальных империй на опыт национального строительства в метрополии и имперский опыт в колониях не является верным описанием исторических реалий хотя бы потому, что колониальная периферия представляла собой необходимый негативный контекст для проведения границ предполагаемого национального сообщества[3]. Историки, изучавшие Российское государство и общество как особый тип династической и территориально-протяженной империи, вынуждены были признать, что в ее историческом опыте находилось место «западному» колониализму (особенно на Кавказе и в Туркестане)[4] и приспособлению старых форм имперского режима

---

[3] См., например: *Colley L.* Britishness and Otherness: An Argument // The Journal of British Studies. 1992. № 4. P. 309–329; *Cooper F.* Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley: University of California Press, 2005; *Dirks N.* Scandal of Empire: India and the Creation of Imperial Britain. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

[4] См.: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Ed. by D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997; и особенно по-

к вызовам современности[5]. Иными словами, новейшие исследования выявили невозможность локализовать историческую точку перехода из мира империй в мир наций, а равно и некорректность деления исторического опыта на специфически имперский и национальный. Тем самым появилась возможность осмыслить империю и нацию не как воплощенные в реальности политические и социальные явления, а как категории анализа, которые позволяют описывать отличные векторы исторического процесса и диспозиции исторических сил[6]. Если один вектор связан с производством, воспроизводством и инструментализацией многообразия, то

следние публикации: *Горшенина С.* Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Центральная Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 209–258; *Бобровников В.* Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 325–344; *Он же.* Что получилось из «Северного Кавказа в Российской империи»: послесловие редактора несколько лет спустя // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 501–519; *Абашин С.* Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 456–471.

[5] См.: *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004 (особенно раздел про модернизирующиеся империи); *Могильнер М.* Homo Imperii: История физической антропологии в России. М.: НЛО, 2008; Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / Ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2009.

[6] Об этом редакторы настоящей антологии подробно писали в работе: *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А.* В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 7–29.

другой – с гомогенизацией и инструментализацией культурной, социальной и политической однородности.

Материалы настоящей антологии представляют именно те направления в изучении национализма и империи, которые пересматривали представление о нации как социальной и политической норме модерной истории и подводили к необходимости взглянуть на империю с точки зрения конструктивистского подхода. Тексты антологии собраны в два раздела: «Осмысление нации в социальных науках» и «Исследования империи в свете критической теории национализма».

Осмысление нации в социальных науках

К моменту распада «советской империи» изучение наций достигло вполне профессионального уровня – настолько профессионального, что обозначились границы самостоятельной дисциплины *nationalism studies,* в которой представители социальных наук играли особенно заметную роль. Для настоящей антологии мы выбрали перевод фрагментов книги одного из ведущих теоретиков этой дисциплины Ханса Кона[7]. Кон оказал огромное влияние на формирование теории национализма в ее современном виде, первым обозначив самые серьезные из исследовательских проблем в этой области и обосновав их на примере богатого исторического материала. Среди поставленных им проблем – модерная или нововременная природа национализма как политической идеи, конструирование национальности активными элитами, типология многообразия национализмов, межкультурный контакт и его последствия и, наконец, немецкий особый путь, или *Sonderweg.* Ханс Кон был автором знаменитой типологии национализмов, согласно которой западный национализм является гражданским, а восточный – этниче-

---

[7] *Kohn H.* The Idea of Nationalism. N.Y., 1944. P. 3–24,329–334. Ab Imperio опубликовал первую главу и первую часть седьмой главы – «Волнения в Старом Свете».

ским. Несмотря на то что сегодняшняя наука в целом отказалась от подобной дихотомии (в немалой степени благодаря работам таких теоретиков в области либерального национализма, как Уил Кимлика, Йейл Тамир и Роджерс Брубейкер), типология Кона остается важной отправной точкой для тех исследователей, которые находятся в поиске более гибких и чувствительных к исторической и культурной вариативности способов описания многообразия проявлений национализма. Именно в этом, на наш взгляд, состоит важность включения Кона в состав современных российских исследований национализма и империи.

Когда в конце 1990-х годов российские обществоведы начали осваивать классические тексты западных теоретиков и исследователей национализма (пытаясь совместить их с реанимируемым романтическим каноном национальной историографии XIX века), в Западной Европе и Америке эта дисциплина подверглась мощной ревизии. Особая роль в этом процессе принадлежит американскому социологу Роджерсу Брубейкеру, автору знаковой статьи «Мифы и заблуждения в изучении национализма», русский перевод которой представлен в антологии[8]. В отличие от своих предшественников Брубейкер не стремился к построению целостной теории национализма. Он выдвинул на повестку дня анализ языка

---

[8] *Brubaker R.* Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / Ed. by J. Hall. Cambridge, UK, 1998. P. 272–306.

исследований национализма. Одна из фундаментально важных идей Брубейкера состоит в том, что язык, при помощи которого мы описываем феномен национализма, заимствован из социальной и политической практики и, следовательно, должен быть подвергнут серьезному критическому разбору, прежде чем использоваться как язык анализа. Различие между теорией-анализом и практикой-политикой, происходящее из интеллектуальной традиции, представленной, в частности, Пьером Бурдье, определяет направление мысли Брубейкера. Отсюда и радикальное сомнение в реальности нации как коллектива, и критика так называемого онтологизма группы, предполагающего онтологическую или воплощенную реальность наций и иных социальных сообществ – ведь понимание нации как реальной группы, существование которой дано *a priori,* заимствовано из категориального аппарата самих националистов, политиков-практиков. Практики ищут пути утверждения и признания предполагаемых наций и способы решения национальных проблем, поэтому они не могут поставить под сомнение данность нации как таковой. В этом с ними едины и теоретики, которые сомневаются в историческом долгожительстве наций, указывают на их «сконструированность» и «изобретенность», но, тем не менее, полагают, что при определенных обстоятельствах существование наций является реальностью.

Роджерс Брубейкер предлагает несколько иное прочтение термина «нация», видя в ней не более чем когнитивную, по-

знавательную форму, в которую люди в определенных обстоятельствах облекают свои представления о социальном и политическом мире. Сформулированная таким образом аналитическая позиция позволила Брубейкеру создать более гибкую модель для учета ситуационной и исторической вариативности проявлений национализма и критически переоценить многие популярные в академической среде «мифы», включая миф о телеологии национализма, стремящегося в пределе к образованию собственного государства, миф о «возвращенном подавленном» национальном, восставшем после падения антинационального советского режима, или миф о разделении национализмов на западный и восточный. Сам выбор термина «миф» для описания научных парадигм не случаен: Брубейкер говорит не об ошибочности разбираемых положений в буквальном смысле этого слова, а о сопричастности исследователей, верящих в эти постулаты, языку и дискурсу национальной политики, что мешает им увидеть ограничения, накладываемые на их анализ национальной рамкой. В этой связи характерен тезис Брубейкера об антиномии принципа национального самоопределения и о принципиальной неразрешимости национальных конфликтов:

> Таким образом, вопреки иллюзии, что националистические конфликты допускают фундаментальное разрешение через национальное самоопределение, я привожу своего рода «теорему

> невозможности», состоящую в том, что национальные конфликты являются в принципе неразрешимыми, что понятие «нация» принадлежит к категории по сути оспариваемых понятий, что хронический конфликт в силу этого имманентен националистической политике… На мой взгляд, национальные конфликты редко «решаются» или «разрешаются». Гораздо более вероятно, что они, подобно конфликтам соперничающих парадигм в Куновской истории науки, со временем затеняются, теряют свою центральность и яркость, когда простые люди и политические деятели обращаются к другим заботам или когда вырастает новое поколение, которому старые ссоры, по большому счету, безразличны.

Анализируя развитие ситуации вокруг венгерского меньшинства в румынской Трансильвании после 1989 года, Брубейкер указывает на необходимость рассматривать эту проблему не только с точки зрения национального конфликта (венгерского меньшинства, румынского национального государства и венгерского национализма «исторической родины»), но также в контексте европейской интеграции и возникновения супранациональной политии. Таким образом, Брубейкер создает теоретические основания для творческого соединения проблематики исследований национализма и изучения разнопорядковых форм идентификации (например, региональной или супранациональной), которые особенно интенсивно изучаются в рамках «новой имперской ис-

тории».

Критическая работа с «мифами» продолжается и в следующем публикуемом тексте Брубейкера – статье «Именем нации: размышления о национализме и патриотизме»[9], где автор обращается к такой важной составляющей семантического пространства национализма, как дискурс патриотизма. Брубейкер исходит из того, что национальное государство, видоизменившись в современных условиях, продолжает существовать как базовая рамка политического опыта. В патриотическом дискурсе он обнаруживает ценную нормативную инклюзивную составляющую, которая позволяет выйти за пределы узконациональной логики, осмыслить социально ориентированное государство, политический режим, основанный на участии всех граждан, и многополярную систему международных отношений. Этот текст задает основания для критического прочтения становящихся популярными рассуждений об отмирании национального государства и о наступлении новой эры империи под видом глобализации, мультикультурализма, супранациональных политий и мирового гегемона, т. е. для очередного пересмотра тезиса о существовании четких хронологических границ между веком наций и веком империй.

Наконец, мы включили в антологию еще один текст Роджерса Брубейкера, который он написал совместно с одним

---

[9] *Brubaker R.* In the Name of the Nation: Reflections on Nationalism and Patriotism // Citizenship Studies. Vol. 8 (2004). № 2. P. 115–127.

из наиболее оригинальных и влиятельных историков колониализма и империализма, Фредериком Купером. «За пределами „идентичности“»[10] – работа, которая еще не до конца осмыслена современными историками и обществоведами, поскольку покушается на один из относительно новых «мифов», при помощи которых изучают как национализм, так и опыт многонациональных и поликультурных сообществ. Будучи специалистами по «не-западным» обществам Африки и Восточной Европы, Купер и Брубейкер особенно убедительно подрывают представления об универсализме наших категорий анализа и онтологичности природы такого удобного и как бы самоочевидного понятия, как «идентичность». Как и в случае с «Мифами и заблуждениями в изучении национализма», речь идет о критическом взгляде на аналитический язык, который связан с политикой и социальным опытом. Автоматически заимствуя этот язык, исследователи теряют возможность описывать сложные процессы и ситуации различия и разнообразия, происходящие в социальном «неевклидовом пространстве» и не обязательно приводящие к «разноцветной мозаике, состоящей из монохромов» племен, этничностей, наций, культурных или социальных групп.

Публикуемая следом статья французского исследователя Жерара Нуарьеля[11] переносит акцент с *концепции* «иден-

---

[10] *Brubaker R., Cooper F.* Beyond “Identity” // Theory and Society. Vol. 29 (2000). P. 149–172.

[11] *Noiriel G.* Représentation nationale et catégories sociales: L’exemple des réfugiés

тичности» на *политику* идентичности, на практики включений и исключений, когда государство формирует национальное тело, охраняя его чистоту от разного рода мигрантов и социальных чужаков. На материале французской истории Нуарьель ставит вопрос о национальном государстве как модерном интервенционистском институте, классифицирующем население и предлагающем такие формы социального и политического представительства, которые призваны создавать впечатление естественности «нации» и основанной на этом впечатлении политики.

Завершает этот раздел антологии перевод главы из книги лингвиста и ведущего постколониального теоретика, австралийского ученого Билла Ашкрофта[12]. Если «классические» теории национализма рассматривали язык как инструмент формирования и гомогенизации нации, то ранняя постколониальная критика поставила вопрос о языке как о квинтэссенции политики империализма, важнейшем инструменте непрямого политического доминирования. Билл Ашкрофт проводит ревизию этого ортодоксального однонаправленного подхода постколониальных исследований. Анализируя колониальную языковую ситуацию с точки зрения лингвиста, он отказывается от жесткой оппозиции «власть – подчинение» в пользу сложной и нюансированной модели, учитывающей особенности конкретной ситуации коммуникации, ме-

---

politiques // Genèses: Sciences Sociales et histoire. Vol. 26 (1997). P. 25–54.

[12] *Ashcroft B.* Post-Colonial Transformation. London: Routledge, 2001. P. 56–81.

ханизмов смыслопорождения и способности языка задавать новую культурную дистанцию и переопределять отношения «власть – подчинение». Признавая ситуативность и процессуальность возникновения значения в языковом акте, Ашкрофт утверждает диалогический характер языкового контакта и политического взаимодействия. В модели Билла Ашкрофта российский читатель легко узнает известный по работам московско-тартуской школы семиотический треугольник «автор – художественный текст – читатель» как единую смыслопорождающую систему. Однако Ашкрофт радикально усложняет эту схему, накладывая ее на ситуацию культурного конфликта и политической иерархии, разделяющей автора и читателя в постколониальной ситуации, когда лишь невидимая среда текста/языка выступает в роли медиума, сложно и неоднозначно соединяющего представителей очень разных миров.

Исследования империи в свете критической теории национализма

Этот раздел антологии открывает эссе, написанное по просьбе Ab Imperio известным австрийским историком-русистом Андреасом Каппелером, автором ставшей классической работы «Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall»[13]. В русском, не вполне удачном переводе книга вышла под названием «Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад». Точнее определение Каппелера переводится как «многонародная империя», и эта, казалось бы, сугубо языковая коллизия сразу вводит нас в проблемную зону национальных и имперских штудий. Каппелер видел свою задачу в том, чтобы преодолеть подход к российской истории как истории *русского* национального государства, сложившийся в российской классической историографии XIX века и закрепившийся позднее в исследованиях западных русистов. Каппелер попытался предложить модель, которая бы учитывала полиэтничность империи и наделяла исторической субъектностью ее нерусских подданных. Эта парадигмальная для новой имперской истории книга писалась в ситуации отсут-

---

[13] *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C.H. Beck, 1992, 2001. Рус. пер.: *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997.

ствия готовых исторических моделей для осмысления имперского опыта, и, хотя Каппелер заимствовал определенные социологические и исторические подходы, он был склонен относиться с некоторым недоверием к опыту изучения западных колониальных империй, которые, на его взгляд, принципиально отличались от империи Романовых. В написанном для Ab Imperio эссе Каппелер критически оценивает ограничения своего подхода, тем самым предвосхищая пути дальнейшего развития «новой имперской истории». В частности, он пишет о невозможности включить в синтетическую «мозаику» имперского разнообразия все имперские народы; о проблеме исторических источников, большинство из которых отражает взгляд центра на своих подданных, и о сложности реконструкции оригинальных голосов последних (в том числе об ограничениях языковой компетенции историка). Он признает, что был вынужден ограничиться рассмотрением взаимоотношений имперского центра с этноконфессиональными группами, тем самым воспроизводя характерный для империи взгляд сверху вниз. Оценивая изменения, произошедшие в историографии России к 2000 году, т. е. восемь лет спустя после выхода книги «Россия – многонациональная империя», Каппелер обращает внимание на расширение репертуара теоретических подходов к осмыслению имперского многообразия (хотя по-прежнему мозаика этничностей/регионов вызывает у него наибольший интерес), на обновление источниковой базы исследований импе-

рии. Но в качестве главной тенденции он указывает на национализацию постсоветских историографий, поспешно отказывающихся от имперской исследовательской рамки в пользу национальной. Эта тенденция позволила Каппелеру с полным правом прийти к заключению, что и в 2000 году в историографии не существовало равноценной альтернативы его работе.

Необходимость найти новую исследовательскую модель «империи», тем не менее, становилась все более очевидной. В публикуемой ниже статье британский историк Доминик Ливен осмысливает всплеск имперских исследований и возникновение «империи» как некоего нового универсального концептуального инструмента для изучения вопросов современной политики, проблем власти и знания, национальных движений и т. д. Ливен исходит из необходимости и возможности сформулировать удовлетворяющее разных исследователей, представителей гуманитарных и социальных дисциплин, определение империи, пригодное во все времена и повсеместно. Учитывая многообразие империй в мировой истории и призывая отказаться от восприятия опыта западных империй как архетипического, Ливен предлагает такое типологическое определение, в основе которого оказывается власть в разных ее проявлениях. Специфику имперской власти он выявляет, противопоставляя «империю» установленному после Вестфальского мира принципу территориального суверенитета и сформировавшемуся позднее пред-

ставлению о нормативности национального государства. Ливен, много сделавший для изучения империи как влиятельного игрока в сфере международных отношений и агента мирового порядка[14], отказывается от ее определения через оппозицию «центр – периферия» и выделяет четыре универсальные характеристики: обширность, многонародность, насильственное покорение подданных (что стало проблемой лишь в период новой истории, поскольку ранее любые государственные образования редко строились на основе согласия всех подданных) и региональное могущество. Подобное типологическое определение феномена империи, конечно, спорно. Однако сама постановка вопроса о необходимости новой аналитической рамки для «новой имперской истории» и о возможности вывести некое универсальное понятие империи, основываясь на чрезвычайно многообразном историческом материале, отражает важную ступень в становлении имперских исследований.

Логическим продолжением этой тенденции можно считать текст Джейн Бурбанк и Фредерика Купера, являющийся введением к их книге «Империи в мировой истории: власть и политика разнообразия». Бурбанк и Купер написали, по сути, первый учебник по истории империй, в котором попытались показать, что национальное государство – очень

---

[14] *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2006. Это перевод английского издания: *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. London: John Murray, 2000. Перевод названия книги Ливена сознательно неточен.

молодой и мимолетный феномен, в то время как империи долгое время определяли человеческое существование. Соответственно, перед авторами учебника встала задача найти способ и язык описания такой политии и такого общества, в котором нормой является разнообразие. Для этого им потребовалось выйти за пределы как Нового времени, так и цивилизационного «Запада». Типологизация империи проводится ими через оппозицию нации, с одной стороны, и национального государства, а также племени, города-государства, королевства, федерации и конфедерации – с другой. Ни одну из перечисленных форм государственности авторы не выделяют как «естественную» или связанную с неким уникальным политическим порядком. Основное внимание Бурбанк и Купера сосредоточено не на выведении волшебной «формулы империи», но на анализе ее функционирования как системы власти, на том, какими средствами империи достигали баланса между инкорпорацией народов в единую политик» и поддержанием различий между ними; какое политическое воображение они формировали и как отвечали на разнообразные вызовы. Соответственно, с поиска универсального определения Бурбанк и Купер переносят акцент на поиск сложной и динамичной модели империи. Тем не менее они полагают, что такая модель, отделяющая империи от других политий и обществ, существует как «реальность». «Империя и политика различия» – чрезвычайно интересный и далеко не бесспорный текст, но он, пожалуй, наи-

более адекватно описывает нынешний этап историографического процесса изучения империи и национализма и подтверждает впечатление, что наиболее интересные методологические прорывы сегодня происходят не в рамках исследований национализма, а в области новой имперской истории.

«Воспроизводство империи» стало темой 39-го ежегодного конгресса Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS), проходившего в Новом Орлеане 17 ноября 2007 года. Это был первый тематический конгресс самого большого и активно работающего международного сообщества профессиональных исследователей России и Евразии, и он оказался посвящен империи. В настоящий раздел антологии включено выступление президента ассоциации (избранного на 2007 год) Марка Бейссингера «Феномен воспроизводства империи в Евразии». В отличие от прочих авторов раздела Бейссингера интересует не генеалогия категории «империя» и не воспроизводство империи как аналитической категории. Формально определяя империю как «масштабную систему чужеродного господства», Марк Бейссингер тут же поясняет, что свою исследовательскую задачу он видит в выяснении изменяющегося значения понятий «чужеродности» и «господства». Он изучает воспроизведение империи как категории политики в регионе, где когда-то существовало государство, гордо называвшее себя империей, а затем – государство, настаивавшее на своей антиимперской сущности. Тем не менее СССР воспринимался

всеми как «империя», да и современную Россию часто определяют как государство с имперскими амбициями. Чтобы ответить на вопрос «почему», Бейссингер обращается к феномену имперской репутации, пытаясь понять, что заставляет людей воспринимать государство как имперское в мире, где более не существует самопровозглашаемых империй. Один из выводов Бейссингера, состоящий в утверждении исторической обусловленности содержания «империи» и ключевой роли гегемонных дискурсов, заставляющих видеть в отношениях иерархии имперские черты, а во власти – чужака, подводит к ревизии существующих в имперских исследованиях подходов, направленных на онтологизацию категории «империи» и на создание ее универсальной модели.

Завершает антологию перевод вступительной статьи к коллективной монографии «Империя выступает: языки рационализации и самоописания в Российской империи»[15]. Ее авторы предлагают обзор новейших имперских исследований применительно к истории Российской империи и развивают лингвистически-когнитивный подход к феномену империи, сродни тому подходу к изучению национализма, который на страницах настоящего сборника представлен работами Роджерса Брубейкера. Новый аналитический язык описания ситуаций многообразия и различия создан автор-

[15] Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / Ed. by I. Gerasimov, J. Kusber, A. Semyonov. Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2009. Редакторы приносят свою благодарность издательству Brill за разрешение опубликовать перевод введения.

ским коллективом для того, чтобы избежать логических ловушек, возникающих при некритическом перенесении языка самоописания империи в язык анализа или при использовании нормативного языка национализма для описания исторического опыта империи. Перед авторами статьи стояли три ключевые проблемы: как описать исторический опыт Российской империи с учетом его специфики, но не впадая в представление об уникальности этого государства и общества и не отбрасывая сравнительные параллели с историей западных колониальных империй и колониализма; как сочетать изучение империи как пространства социального опыта многообразия (т. е. столкновения людей с другой верой, другим языком, другой культурой, другим социальным укладом) и изучение политических механизмов и режимов управления этим пространством многообразия; и, наконец, как описать исторические изменения, связанные с вызовом современной рациональности, модернизации и национализма, и избежать упрощенного представления об отмирании империи и триумфе наций и национальных государств. Иными словами, этот текст демонстрирует продуктивность и даже необходимость диалога между исследователями империи и исследователями национализма в деле анализа политических и социальных форм различия и многообразия.

Илья Герасимов
Марина Могильнер
Александр Семенов

I
ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Ханс Кон
Идея национализма

1

Национализм в современном понимании этого термина – не старше второй половины XVIII века. Его первой великой манифестацией стала Французская революция, придавшая этому новому движению все возрастающую динамическую силу[16]. Тем не менее в конце XVIII века нацио-

---

[16] Большинство историков единодушны в вопросе о современном происхождении национализма: «Национализм – дитя Французской революции» (*Gooch G.P.* Studies in Modem History. London, 1931. P. 217); «Национализм молод, очень молод» (*Hayes J.H.* Essays on Nationalism. N.Y., 1926). См. также: *Bryce J.* Studies in History and Jurisprudence. Oxford, 1901. Vol. I. P. 268; *Meinecke F.* Weltbürgertum und Nationalstaat. Munich, 1915. S. 5 ff.; *Herberts.* Nationality and Its Problems. London, 1920; *Mitscherlich W.* Der Nationalismus Westeuropas. Leipzig, 1920; *Fisher H.A.L.* The Common Weal. London, 1924. P. 195; *Koht H.* L'Esprit national et l'idée de la souveraineté du people // Bulletin of the International Committee of Historical

нализм проявился почти одновременно в нескольких европейских странах – пришло его время в эволюции человечества. Хотя Французская революция явилась одним из наиболее влиятельных факторов, способствовавших распространению национализма, ее не считают датой его рождения. Подобно всем историческим движениям, национализм глубоко укоренен в прошлом. Экономические, социальные и интеллектуальные предпосылки его появления вызревали неравномерно в разных странах в течение столетий. Невозможно оценить важность и приоритет каждого из необходимых условий формирования национализма. Они прочно взаимосвязаны и взаимозависимы. Хотя историю созревания тех или иных предпосылок можно проследить в отдельности, результат разделить невозможно. Если аналитические исследовательские процедуры и позволяют это сделать, то в реальности тенденции, приведшие к появлению национализма, сплетены неразрывно.

Sciences. Vol. II (1929). Part II. P. 217–224; *Stavenhagen K.* Kritische Gänge in die Volkstheorie // Abhandlungen der Herder Gesellschaft und des Herder Insrituts. Riga, 1936. Bd. V.Интерес к национализму прошлого возник в связи с присутствием национализма в современности, в наших мыслях, что заставляет нас видеть проявления национализма во всем и везде. Профессор Т.Б. Валек-Чернецки выступает против позиции Эдуарда Мейера, согласно которой в определенные периоды времени только евреи, иранцы и греки достигли полноты национализма (*Walek-Czernecki T.B.* Le rôle de la nationalité dans l'histoire de l'antiquité // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. Vol. II (1929). P. 303–320). Валек-Чернецки считает, что у греков и римлян национализм так и не развился, в то время как у вавилонян, египтян и других восточных народов он достиг полного расцвета.

Национализм невообразим без предшествующей ему идеи народного суверенитета, без полного пересмотра позиций правящего и управляемого, классов и каст. Для появления национализма необходимо было новое, секуляризированное восприятие общества и природы, их разделение посредством новой науки естествознания и нового всеобщего закона, согласно Гроцию и Локку. Возникновение третьего сословия с неизбежностью вело к слому традиционализма в экономической жизни, это сословие способствовало тому, что жизнь, язык и искусство народа постепенно замещали цивилизацию правящих слоев, т. е. знати. Этот новый класс оказался гораздо меньше связан традицией, чем знать или духовное сословие, он представлял новую силу, готовую порвать с традицией на идеологическом уровне еще решительнее, чем в реальности. С момента своего появления третье сословие претендовало на то, чтобы представлять не только новый класс и его интересы, но и весь народ. В странах типа Великобритании, Франции и Соединенных Штатов, где третье сословие набрало силу уже в XVIII веке, национализм проявил себя в основном в политических и экономических изменениях (хотя этим не ограничился). Там же, где третье сословие было слабым и к началу XIX века находилось в зачаточном состоянии, как, например, в Германии, Италии и у славянских народов, национализм выразился преимущественно в культуре. Поначалу этот культурный национализм концентрировался не столько на идее национально-

го государства, сколько на культивировании народного духа (Volksgeist) и его проявлений в литературе и фольклоре, в родном языке и в истории. Укрепление третьего сословия, наряду с политическим и культурным пробуждением масс, в течение XIX века привело к тому, что этот культурный национализм постепенно перерос в стремление к формированию национального государства.

Рост национализма – это процесс интеграции народных масс в общую политическую форму. Поэтому национализм предполагает существование, в реальности или в идеале, централизованной формы правления, обладающего юрисдикцией над обширной и отдельной территорией. Такая форма была создана абсолютными монархами, которые и задали динамику развития современного национализма. Французская революция унаследовала и продолжила централизаторские устремления монархов. Но она также наполнила централизованную структуру государства новым духом и придала ей силу сплоченности, до той поры неизвестную. Трудно представить себе национализм в XVI–XVIII веках, до возникновения современного государства. Национализм воспринял современную форму государства, но изменил ее, обогатив новым восприятием жизни и новым религиозным пылом.

Что касается внутреннего механизма роста национализма, то он использовал некоторые древнейшие и примитивнейшие человеческие чувства, игравшие важную роль в фор-

мировании социальных групп в истории. В человеке существует естественное стремление – под «естественным стремлением» мы подразумеваем тенденцию, порожденную социальными условиями в доисторические времена и кажущуюся нам естественной – любить то место, где он был рожден или провел детские годы; любить его окрестности, климат, очертания холмов и долин, рек и лесов. Мы все подвластны этой безграничной силе привычки, и, даже если нас притягивает неизвестное и влекут перемены, мы находим покой в умиротворяющем мире привычного. Легко себе представить, что человек отдает предпочтение именно своему языку как тому единственному, который он полностью понимает и который ассоциируется у него с «домом». Он предпочитает родные обычаи и родную пищу чужим, кажущимся ему непонятными и неудобоваримыми. Путешественник, утомленный длительным пребыванием в чужих краях и контактами с другими народами, с чувством ликования возвращается домой, к своему стулу и своему столу.

Неудивительно, что он гордится качествами собственного характера и с легкостью верит в их превосходство. Если, с его точки зрения, цивилизованные люди (такие, как он сам) отличаются именно такими качествами, то логично предположить, что эти качества и есть единственно приемлемые для человеческих существ. С другой стороны, контакт с чужаками, наблюдение за их странными, незнакомыми и поэтому кажущимися опасными обычаями пробуждает недоверие

ко всему чужеродному. Но это же недоверие питает ощущение собственного превосходства, а иногда и открытую враждебность к чужому. Чем примитивнее люди, тем сильнее их недоверие к чужакам и, соответственно, тем сильнее их групповое чувство. В поэме «Чужак» Редьярда Киплинга находим описание этого чувства:

Чужак у моих ворот,
Он может быть честен и добр,
Но что о мыслях его заключить —
Чужой у него разговор.
Вижу лик, и глаза, и рот,
Но души мне не различить[17].

Эти чувства существовали всегда. Они не формируют национализм; они соотносятся с определенными вещами – территорией, языком, происхождением, – которые мы также находим в национализме. Но там они полностью трансформированы, наполнены новыми эмоциями и помещены в более широкий контекст. Они – естественные элементы, из которых складывается национализм; но национализм – не естественный феномен, не продукт «вечных» и «натуральных» законов; национализм – это результат роста социальных и интеллектуальных факторов на определенном этапе исторического процесса. Допустимо сказать, что какое-то чувство национальной принадлежности существовало и до рождения

[17] Пер. С. Глебова.

современного национализма – чувство, неравное по глубине и частоте проявления в разные времена; в некоторые эпохи почти полностью истребленное, в другие – более или менее ясно проявляющееся. Тем не менее в целом оно было неосознанным и невыраженным, не воздействовало на мысли и поступки людей глубоким и всепроникающим образом. Отчетливо это чувство проявлялось только случайно, у отдельных личностей или у отдельных групп, порою – под давлением или в результате провокации. Оно не определяло цели и поступки людей в течение какого-либо длительного времени. Оно не являлось целенаправленной волей, сплавляющей индивидуумов в единство эмоций, мыслей и действий[18].

До эпохи национализма люди очень редко обращали внимание на тот факт, что один и тот же язык используется на значительной территории. На самом деле это не был тот же самый язык: несколько диалектов существовали бок о бок,

---

[18] Джон Оксмит пишет о национализме как о чем-то, что «подавляющее большинство цивилизованных людей считает самым священным и всепоглощающим вдохновением в жизни», и как о «наиболее чреватом явлении современной политической эволюции» (*Oaksmith J.* Race and Nationality: An Inquiry into the Origin and Growth of Patriotism. N.Y., 1919. P. VIII ff.). Его определение национализма подходит только для периода, начавшегося с Французской революцией. Тогда, и только тогда национализм стал вдохновением для «цивилизованных людей». Можно даже утверждать, что определенный народ становится частью «современной» цивилизации тогда, когда он проникается духом национализма. Китайцы были цивилизованными и до того, как большинство из них прониклось националистическими чувствами в XX веке, когда они вошли именно в «современную» цивилизацию. Национализм – сверстник «современной» цивилизации, хотя, конечно, речь не идет о цивилизации вообще.

иногда непонятные для жителя соседней провинции. Устный язык принимался как сама собой разумеющаяся реальность. Он ни в коем случае не рассматривался в качестве политического или культурного фактора, а тем более в качестве объекта политической или культурной борьбы. В Средние века многочисленность языков объяснялась библейским текстом как последствие греховности человека и Божье наказание за возведение Вавилонской башни. Значимость языка ощущалась в пограничных районах, а также в ходе экспедиций и путешествий. Тогда становился очевидным чужеродный характер группы, говорящей на незнакомом языке, и многие народы впервые осознавались как чужие и назывались иноязычными. Греческое слово *barbaros* (означающее «чужой» или «иностранный» и, соответственно, «грубый» и «невежественный»), вероятно, проистекало из понятия «косноязычие» или «неспособность понятно разговаривать» – слово, схожее с санскритским *Barbara* («косноязычный» или «не-арийский»). Славяне назвали германцев, с которыми они вступили в контакт, *немцы,* «немые» – люди, которых никто не понимает. Человек, говорящий на непонятном языке, казался пребывающим за чертой цивилизации. Но язык воспринимался славянами и другими народами как объективная реальность, а не как культурное наследие. Язык, служивший для передачи по наследству сокровищ духовной культуры, – в средневековой Европе так же, как в исламской цивилизации, в Индии и в Китае, – обычно отличал-

ся от языка, на котором говорил народ: его специально изучали, им владели только представители образованного класса. Даже если это не был язык другого происхождения, он обычно являлся столь архаичным и насыщенным многообразными, чисто литературными, классическими ассоциациями, что лишь небольшая группа людей могла его понимать.

До эпохи национализма язык очень редко выделяли как фактор, на котором основывались престиж и власть определенной группы. До последних двух столетий иностранные языки оставались языками, используемыми официальными кругами, учеными и высшим классом. Упомянем только один, крайне показательный акт: бретонские сословия, очень ревниво относившиеся к своей независимости, тем не менее говорили по-французски, и в «Акте объединения в целях защиты свобод Бретони» 1719 года бретонские представители не упомянули языковые претензии. Переводы Библии в протестантских странах были предприняты не по каким-то националистическим мотивам, но исключительно по религиозным. Королева Елизавета повелела перевести Библию и молитвенник на уэльский язык, а также проводить церковные службы на уэльском языке, чтобы освободить уэльсцев от «невежества папства». С ростом национализма в следующих столетиях, когда религия все еще доминировала, но уже проявлялись ростки нового миропонимания, переводы Библии воздействовали на укрепление национального чувства и усиление значимости национального языка, который ста-

новился все более и более важным культурным элементом, средством распространения всеобщего образования и расширения влияния массового печатного слова. В то же время унифицировались формы языка, распространяясь все шире и шире, подчиняя себе новое пространство, поглощая местные диалекты или вытесняя их на задний план.

Сформировавшееся в результате этого долгого и трудного процесса моноязыковое пространство стало объектом любви для своего населения. Таким образом, любовь к родине, признаваемая сутью патриотизма, является не «естественным феноменом, но искусственным продуктом исторического и интеллектуального развития». Родина, которую человек любит «естественно», – это его родная деревня, долина или город, маленькая территория, знакомая ему до мельчайших деталей, связанная с личными воспоминаниями, место, в котором он прожил всю свою жизнь. Территория, населенная группой людей, образующих нацию в современном понимании этого слова, территория, зачастую характеризующаяся различиями в ландшафте и климате, была практически незнакома обычному человеку, ее узнавали только благодаря рассказам путешественников, но до эпохи национализма путешествия были доступны только очень малой части населения. Вольтер, живший до этой эпохи, отмечал, что «чем больше становится родина, тем меньше ее любят, ведь разделенная любовь ослабевает. Невозможно нежно любить многочисленное семейство, с членами которого лично не зна-

ком».

Национализм не является гармоничным естественным чувством, идентичным любви к семье и дому, как утверждают некоторые ученые, находящиеся под влиянием Аристотеля[19]. Часто любовь человека сравнивают с расходящимися кругами: первый круг – его семья, далее – его деревня, его родные или племя, нация и, наконец, человечество и высшее добро. Но любовь к дому и семье – это конкретное чувство, доступное каждому в повседневной жизни, в то время как национализм (а космополитизм даже в большей степени) – это весьма комплексное и изначально абстрактное чувство. Оно приобретает эмоциональную теплоту настоящего чувства только в ходе исторического развития, когда посредством унификации образования, возникновения экономической взаимозависимости и соответствующих политических и социальных институтов происходит интеграция масс и их идентификация с организмом, который слишком огромен для индивидуального опыта. Национализм, т. е. наша идентификация с жизненными устремлениями бесчисленных миллионов людей, которых мы никогда не узнаем лично, с территорией, с которой мы никогда полностью не ознакомимся, качественно отличается от любви к семье и

---

[19] См.: *Seipel I.* Nation und Staat. Vienna, 1916. Под государством или отчизной Аристотель понимал нечто легко распознаваемое как реальность в ежедневных контактах. Государство должно населять не менее десяти и не более тысячи жителей (Никомахова этика, IX, ю, 3). Огромные империи варваров он не считал настоящими государствами (Политика, VII, 4).

дому. Он сродни любви к человечеству или земному шару. И то и другое принадлежит к особому типу любви, который Ницше («Так говорил Заратустра») назвал *Femstenliebe* — любовь к дальнему, в отличие от *Nächstenliebe* — любви к ближнему[20].

Жить на одной территории, в одинаковых природных условиях и, что менее существенно, но все же важно, переживать общую историю и находиться под влиянием общих законов – значит приобретать некоторые общие воззрения и свойства, часто называемые национальным характером. В мировой литературе всех времен можно встретить характе-

---

[20] Роберт Михеле отмечает, что *die Femstenliebe* расширяется от патриотизма к интернационализму (*Michels R.* Der Patriotismus: Prolegomena zu seinersoziologiscben Analyse. Münich, 1929. S. 88). Тогда патриотизм и интернационализм обладают общей чертой – отсутствием физического контакта – и для чувствующих, и для сочувствующих. И то и другое является продуктом исторического развития и воздействия образования. Уильям Хазлитт также отметил исторический характер патриотизма: «Патриотизм в больших государствах в наше время есть и должен быть порождением интеллекта, а не результатом физической привязанности к местности. Патриотизм, в строгом значении этого слова, является не естественной или личной привязанностью, но законом нашего рационального и морального естества, усиленным определенными обстоятельствами и ассоциациями, но не рожденным и не вскормленным ими. Невозможно представить, чтобы мы испытывали личную привязанность к шестнадцати миллионам человек, а тем более к шестидесяти миллионам. Мы не можем быть *привычно* привязаны к местам, которые мы никогда не видели, и к людям, о которых мы никогда не слышали. Не является ли слово „англичанин“ общим термином так же, как „человек“? Не имеет ли оно множества различных значений?» (*Hazlitt W.* On Patriotism: A Fragment, written Jan. 5,1814 // Hazlitt W. Collected Works / Ed. by A.R. Waller and A. Glover. London, 1902. Vol. I. P. 67).

ристики разных народов, таких, например, как галлы, греки, немцы или англичане. В начале XVIII века, когда англичане считались народом, наиболее склонным к революции и переменам, Вольтер писал: «Французы считают, что правительство этого острова более беспокойное, чем море, которое окружает этот остров, что, безусловно, истинно»[21]. Сто лет спустя мнения по поводу англичан и французов переменились на прямо противоположные. Теперь англичан стали считать – и таково же было их собственное мнение о себе – бесстрастной нацией, гордящейся своим неприятием насильственных революций. Это мнение сохранило силу до сих пор, в то время как французов стали воспринимать как народ, легко поддающийся революционным переворотам.

Похожая перемена произошла и в отношении к немцам. Сто лет назад их считали милыми и совершенно непрактичными людьми, способными к занятиям метафизикой, музыкой и поэзией, но негодными для современной промышленности и бизнеса. Сейчас количество метафизиков, музыкантов или поэтов среди немцев весьма незначительно, но они стали достаточно удачливыми и безжалостными задирами, а также требовательными и умелыми хозяевами в современном производстве и бизнесе. Монголы под управлением Чингисхана были известны своей воинственностью, они покорили всю Азию и половину Европы. В XVI столетии, после принятия ламаистского буддизма, их старый дух был полно-

---

[21] *Voltaire.* Letters Concerning the English Nation. Letter VIII. London, 1773. P. 55.

стью сломлен, и они превратились в мирных и набожных людей. Под влиянием советского правления и революционной пропаганды дикие инстинкты этого племени пробудились, в монголах стало оживать сознание, способное сломать религиозные запреты.

Суждения наблюдателей о характере тех или иных народов до определенной степени зависят от конкретных политических обстоятельств и личных особенностей наблюдателя. Крайности восприятия можно проиллюстрировать, с одной стороны, утверждением Генри Морлея о том, что «в литературе любого народа, при всех контрастах форм, вызванных меняющимися социальными факторами, эти формы, от первой до последней, раскрывают нам один единственный национальный характер», а с другой стороны – мнением Д.М. Робертсона, согласно которому «нация, представленная в виде извечного антропоморфного существа, есть, по большому счету, просто метафизическая фантазия». Между этими двумя крайностями находится вполне приемлемая компромиссная позиция Фрэнсиса Гэлтона, считающего, что «разные стороны многогранного характера человека реагируют на различные воздействия окружающей среды, таким образом один и тот же человек, а уж тем более один и тот же народ может проявлять себя по-разному в разные времена»[22].

---

[22] *Morley H.* English Writers. N.Y., 1887. Vol. 1. P. I; *Galton F.* Inquiries into Human Faculty and Its Development. N.Y., 1908. P. 128; *Robertson J.M.* The Evolution of States: An Introduction to English Politics. London, 1912. P. 285. Национализм – стремление к формированию национальности или к членству в на-

Люди и их характеры невероятно сложны: чем сложнее характеры, тем менее примитивны люди. Это правило еще более справедливо для такого сложного организма, как нация. Невероятное множество индивидуумов складывается в нацию; в течение своей жизни нация подвержена огромному количеству разнообразных воздействий и влияний, которые меняют и формируют ее, ведь рост и изменение являются законами, справедливыми для всех исторических феноменов.

2

Национализм – это прежде всего и в основном способ мысли, творение сознания, которое становилось все более и более общим, начиная со времен Французской революции. Интеллектуальная жизнь человека определяется эгоцентриз-

---

циональности – сам по себе выступает фактором в формировании национального характера. Это можно ясно проследить на примере процесса американизации иммигрантов, приобретающих во втором или третьем поколении совершенно новые жизненные позиции и черты.В этом, как и во всем остальном в истории и общественной жизни, мы находим постоянное взаимодействие причины и следствия.Психология национальностей была разработана Морицем Лазарусом и Хейманном Штейнталем (*Lazarus M., Steinthal H.* Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1860–1890. Berlin, 1890). Они рассматривали групповое сознание как слияние индивидуальных сознаний, функционирующих как единое целое. См. также: *Fouillé A.* Esquisse phychologique des peuples européens. Paris, 1902; *Wundt W.* Die Nationen und ihre Philosophie. Leipzig, 1915 (его десять томов о *Völkerpsychologie* являются в большей степени трудом по этнографии); *Hurwicz E.* Die Seelen der Völker. Gotha, 1920; *WechsslerE.* Esprit und Geist: Versuch einer Wesenskunde des Deutschen und des Französen. Bielefeld, 1927; *Demiashkevich M.* The National Mind: English, French, German. N.Y., 1938.

мом в той же степени, что и группоцентризмом. И то и другое – комплексное состояние ума, которое возникает через опыт дифференциации и противопоставления Я и окружающего мира, мы-группы и тех, кто к ней не принадлежит. Коллективное или групповое сознание может возникать у совершенно различных групп; некоторые имеют более постоянный характер – семья, класс, клан, каста, деревня, секта, религия и так далее, в то время как другие группы менее постоянны – одноклассники, футбольная команда или пассажиры корабля. В любом случае, отличаясь по признаку постоянства, это групповое сознание стремится создать гомогенность внутри данной группы, единообразие и единомыслие, которое будет приводить к согласованным совместным действиям. С этой позиции мы можем говорить о наличии группового сознания и группового действия: например, о католическом сознании и католическом действии, об английском сознании и английском действии; но мы также можем говорить и о действии сельской или городской групп. Все эти группы приобретают собственный характер. Характер группы, объединенной одним родом деятельности (крестьяне, солдаты, служащие), может быть столь же определенным и постоянным, как и характер национальной группы, или даже более того. Каждая группа создает свои собственные символы и условности, в каждой группе доминируют социальные традиции, проявляющиеся в общественном мнении данной группы.

Групповое сознание не является исключающим. Люди одновременно осознают себя членами различных групп. Чем комплекснее становится цивилизация, тем к большему количеству групп причисляет себя человек. Эти группы непостоянны. Их границы меняются так же, как меняется степень их важности. Среди этих разнообразных, иногда даже конфликтующих между собой групп обычно есть одна, которая признается человеком наиболее важной и которой он останется верным в ситуации межгруппового конфликта лояльностей. Человек часто идентифицирует себя с определенной группой даже тогда, когда она уже больше не существует. Порой это чувство солидарности между индивидуумом и группой принимает форму полного растворения индивидуума в группе.

Иерархия лояльности по отношению к разным группам выстраивается по-разному в различные периоды истории и в различных цивилизациях. Современный период истории, начавшийся с Французской революции, характеризуется тем, что в этот, и только в этот период нация требует от человека высшей лояльности, что каждый человек, а не только определенные личности или классы, подчинен этой высшей лояльности и что во всех цивилизациях (которые до этого времени следовали каждая своим, отличным друг от друга путем) теперь все больше и больше доминирует одно верховное групповое сознание – национализм.

Исследователи часто отмечают, что рост национализма и

национального разделения совпал с небывалым развитием международных контактов, торговли и средств информации; что разговорные языки были возведены в ранг литературных и культурных языков как раз тогда, когда казалось, что пришло время избавиться от языковых различий, распространив наиболее влиятельные языки. Это мнение упускает из виду тот факт, что повсеместный рост национализма, пробуждающего людей к политической и культурной жизни, подготавливал почву для тесных культурных контактов всех цивилизаций человечества (только сейчас впервые приведенных к общему знаменателю), одновременно разделяя и объединяя их.

Национализм, описываемый как групповое сознание, является, соответственно, психологическим и социологическим явлением, но любое психологическое или социологическое объяснение национализма выглядит однобоким. Один американский психолог определил нацию как «группу индивидуумов, которая ощущает себя одним существом, готова, до определенных пределов, пожертвовать индивидуальностью для блага группы, которая процветает как единое существо, которая испытывает определенные эмоции как единое существо, в то время как каждый член этой группы радуется достижениям и печалится о потерях этой группы… Национальность – это ментальное состояние или общность в поведении»[23]. Это определение в некотором роде подходит

[23] *Pillsbury W.B.* The Psychology of Nationality and Internationalism. N.Y., 1919.

не только для нации, но и для любой другой доминантной группы, к которой человек относится с лояльностью и с которой он себя идентифицирует. Поэтому недостаточно просто выделить национальную группу из ряда других групп, сходных по значительности и постоянству[24].

Национальности являются продуктом исторического развития общества. Они не идентичны кланам, племенам или народным группам – группам, объединенным реально существующим или предполагаемым родством и местом проживания. Подобные этнографические группы существовали на протяжении всей истории с самых ранних времен, но они не формируют национальностей; они не что иное, как «этнографический материал», из которого при определенных обстоятельствах может произойти национальность. Национальности – это продукты живых сил истории, поэтому они находятся в непрерывном изменении и никогда не постоянны[25].

P. 5. См. также с. 267: «Национализм – это вопрос ума и духа, а не… физических отношений. Единственный способ решить, принадлежит ли данный человек к этой нации или к другой, – это спросить его».

[24] Социологические определения рассматривают национальность в основном как группу конфликта. См.: *Handman M.S.* The Sentiments of Nationalism // Political Science Quarterly. Vol. XXXVI (1921). № 1. P. 104–121; *Wirth L.* Types of Nationalism // American Journal of Sociology. Vol. XLI (1937). № 6. P. 723–737. Типологизация по историческим элементам представлена в работе: *Hayes C.J.H.* Two Varieties of Nationalism, Original and Derived // Proceedings of the Association of History Teachers of the Middle States and Maryland. Vol. XXVI (1928). P. 71–83; и моих книгах: *Kohn H.* Revolutions and Dictatorships. Cambridge, 1939. P. 68–82; *Idem.* Not by Arms Alone. Cambridge, 1940. P. 103–124.

[25] Слово «национальность» выглядит предпочтительнее слова «нация», так как

Национальности – это группы недавнего происхождения, и поэтому они весьма сложны. Им невозможно дать четкое определение. Национальность – это исторический и политический концепт, а слова «нация» и «национальность» претерпели многочисленные семантические изменения. Только в современной истории человек стал рассматривать национальность в качестве центра политической и культурной жизнедеятельности. Поэтому национальность не абсолютна, и большая ошибка (лежащая в основе большинства крайностей современности) – рассматривать ее как абсолют, как некую объективную априорную данность, как источник всей

последний термин часто обозначает «государство» во французском и английском языках. В позднем Средневековье слово «нация» зачастую не имело никакого политического содержания. Римляне называли себя не *natio,* а*populus.* В XVII и XVIII веках «нация» часто противопоставлялась «народу» (*peuple*). Этот термин указывал на сознательную и активную часть народа, в то время как термин «народ» означал политически и социально более пассивные массы. Аналогично использовалось в немецком языке (в который романтизм с его акцентом на иррациональном и подсознательном привнес любопытную переоценку) слово *Volk.* Национализм принес с собой интеграцию народа в нацию, пробуждение масс к политической и социальной активности. Революции XVIII века завершили эту интеграцию народа на Западе, и «нация» стала в основном означать всю политическую организацию или государство; это разделение зачастую неприменимо к более сложной ситуации в Центральной и Восточной Европе. См.: *Neumann F.J.* Volk und Nation. Leipzig, 1888; *Fels J.* Begriff und Wesen der Nation: Eine soziologische Untersuchung und Kritik. Münster, 1927; *Ziegler H.O.* Die moderne Nation: Ein Beitrag zur politischen Soziologie. Tübingen, 1931; *Hertz F.* Wesen und Werden der Nation // Nation und Nationalität: Jahrbuch für Soziologie. First supplementary vol. Karlsruhe, 1927; *Amonn A.* Nationalgefühl und Staatsgefühl. Münich, 1915.

политической и культурной жизни.

Две ошибочные теории, претендующие на объективность и реалистичность, придали национальности статус абсолюта[26]. Согласно первой теории, кровь или раса есть основа национальности, она существует вечно и несет в себе неизменяемую наследственность; другая рассматривает народный дух (Volksgeist) как неисчерпаемый источник национальности во всех ее проявлениях. Эти теории не дают никакого убедительного объяснения возникновению и роли национальности: они отсылают нас к мифическим и доисторическим псевдореальностям. Их, скорее, следует рассматривать как характерные элементы мышления в эпоху национализма и как объект анализа для историка национализма.

---

[26] Теория рас сильнее всего проявилась в Германии. Ее триумф был предсказан одним французским автором. Он писал: «Одно слово отражает вечную константу, от которой немецкая мысль и не пыталась никогда себя освободить. Одно слово превосходно выражает все стороны этого творческого бессилия. Это слово – „телесность“, мощное утверждение тела и почвы, первичности чувств и мускульной энергии, предпочтение очевидной силы… Он (германец) свел всю широту понятия и значения прав к образу и формуле реальностей, которые ему были выгодны, и, с настойчивостью большей, чем у других человеческих групп, германец продолжал воображать нацию по аналогии с естественным и осязаемым примером – с семьей. Действительные или ложные, кровные связи оставались для него и наиболее понятными, и наиболее важными. Эгоизм, присущий всем людям и всем человеческим объединениям, приобрел у германца и германских наций величественный и страшный квазирелигиозный аспект» (*Johannet R.* Le principe des nationalités. Paris, 1923. P. 187 ff.). См. также: *Voegelin E.* The Growth of the Race Idea // Review of Politics. 1940. July. P. 283–317.

3

Национальности возникают только тогда, когда определенная социальная группа выделяется посредством объективных связей. Национальность обычно характеризуется наличием ряда таких связей, но очень мало национальностей суммируют их. Наиболее часто встречаются общие происхождение, язык, территория, политическая структура, обычаи, традиции и религия. Короткого исторического обзора будет вполне достаточно, чтобы продемонстрировать, что ни один из этих элементов не является абсолютно необходимым для существования национальности.

Общие корни кажутся особенно важными примитивному человеку, для которого рождение и смерть являются величайшими таинствами и окружены поэтому легендами и предрассудками. Современные национальности, как бы то ни было, представляют собой смесь различных рас. Великие исторические миграции и мобильность современной жизни повсеместно привели к смешению, так что немногие национальности (если вообще такие есть) могут сейчас похвастаться общим происхождением.

Важность языка для формирования и жизнедеятельности национальности была отмечена Гердером и Фихте [27]. Но ведь

---

[27] Большое значение языка подчеркивал Георг Шмидт-Рор (*Schmidt-Rohr G.* Die Sprache als Bildnerin der Völker. Jena, 1932). Согласно его утверждению,

существуют такие национальности, у которых нет собственного языка, например, швейцарцы, говорящие на четырех языках, или латиноамериканские национальности, представители которых говорят на испанском или португальском. Англоязычные нации (так же, как и испаноязычные) имеют ряд общих черт: они говорят на одном языке и до сравнительно недавнего времени имели общее историческое прошлое, а также традиции и обычаи; тем не менее они представляют различные национальности с зачастую конфликтными целями[28]. Еще один аргумент в пользу некоторой несостоятельности объективных критериев для формирования и существования различных национальностей – пример Норвегии и Дании, где население принадлежит одной расе и говорит практически на одном языке. Тем не менее они считают себя двумя различными национальностями, а норвежцы стали выделять свой язык как раз в результате возникновения своей национальности.

Руссо первым подчеркнул важность обычаев и традиций

языковое сообщество и есть настоящее национальное сообщество. Второе издание (1933) имело другое название: «Muttersprache: Vom Amt der Sprache bei der Volkswerdung». Во вступлении автор извинялся за то, что его взгляды противоречили господствовавшей тогда расовой теории.

[28] См. пример недостаточности объективных характеристик (включая язык) для определения чьей-либо национальности в книге: *Macartney* C.A. National States and National Minorities. London, 1934. P. 8 ff. См. также: *Rothfels H.* Ostraum, Preussentum und Reichsgedanke. Leipzig, 1935. S. 193. Национальность в Восточной Европе – «это не только вопрос крови, но и исторических и культурных взаимоотношений».

для формирования национальности. Безусловно, каждая нация имеет свои обычаи, традиции и институты, но в разных местностях они часто весьма отличаются друг от друга, и одновременно происходит процесс их стандартизации по всему миру или, как минимум, на довольно больших пространствах. В современном мире обычаи и манеры зачастую изменяются с невероятной скоростью.

До начала подъема современного национализма религия была ведущей силой. Это справедливо как для западного, так и для восточного христианства, а также для исламской цивилизации и Индии. Разделение проводилось не по национальным, а по религиозным рубежам. Поэтому формирование национальностей и подъем национализма сопровождались трансформацией религиозности человека, и именно влияние религии временами способствовало, а временами препятствовало рождению национальностей. Иногда религиозные противоречия разделяли и ослабляли национальности, а иногда даже стимулировали создание новых национальностей, как это было в случае с хорватами-католиками и сербами-православными. С другой стороны, национальные церкви зачастую служили стимулом для возникновения национализма; а когда конфликтующие национальности исповедовали разные веры, религия играла значительную роль как механизм защиты более слабой национальности (католицизм в британской Ирландии и в прусской Польше).

Наиболее важным внешним фактором в процессе форми-

ровании национальностей является общая территория или, вернее, государство. Политические границы имеют тенденцию определять национальности. Многие новые национальности, например канадская, сформировались целиком и полностью благодаря тому, что они создали политическое и географическое образование. Обычно мы считаем (по причинам, к которым обратимся позже), что принадлежность к государству или принадлежность к нации (в значении общего гражданства при одном и том же территориальном управлении) есть составной элемент жизни национальности. Принадлежность к государству может и не быть обязательным условием возникновения национальности, но в таком случае (как, например, с чехами в конце XVIII века) всегда присутствует память о существовавшем государстве и стремление к государственности, что характеризует национальности в период национализма.

Хотя некоторые из этих объективных факторов очень важны для формирования национальностей, наиболее принципиальный элемент – это живая и активная общая воля. Именно решение сформировать национальность создает ее. Так, французская национальность родилась из восторженного проявления воли в 1789 году. Французский народ, население Французского королевства, существовал и до этого момента. Предпринимались и попытки создать некоторые объективные условия, необходимые для основания национальности. Но только впервые пробудившиеся сознание и воля

активизировали эти элементы, объединили их в источник безграничной центростремительной силы и придали им новое значение и важность[29]. Английская и американская на-

[29] Определение Эрнеста Ренана в его обращении «Что такое нация?» широко известно: «Нация – это великая солидарность, основанная на ощущении жертвы, уже принесенной или такой, которую человек готов принести в будущем. Нация предполагает прошлое, она проявляет себя в настоящем одной осязаемой реальностью: сочувствием, ясно выраженным желанием продолжать жизнь общества. Существование нации – это ежедневный плебисцит» (*Renan E.* Qu'est-ce qu'une nation? Paris, 1882. P. 27). Этим определением Ренан поддержал требования Эльзаса и Лотарингии самостоятельно решать вопрос о своей национальной принадлежности. Важное значение, которое сам Ренан придавал этой речи, выражено в предисловии к его книге: «Обращение „Что такое нация?“ является той частью настоящего тома, которой я придаю наибольшее значение… В этом обращении – выражение моих убеждений в вопросах о человечестве, и я желал бы, чтобы эти двадцать страниц вспомнили тогда, когда современная цивилизация увязнет в фатальной двусмысленности этих слов: нация, национальность, раса» (*Renan E.* Discours et Conferences. Paris, 1887).Точка зрения немцев была также авторитетно заявлена Генрихом фон Трейчке: «Кто перед лицом обязанности обеспечить безопасность мира все же смеет возражать, что жители Эльзаса и Лотарингии не хотят принадлежать Германии? Перед священной обязанностью этих великих дней теория права на самоопределение каждой ветви немецкой расы – этот совращающий боевой клич эмигрировавших демагогов – будет с презрением растоптан. Эти провинции наши по праву меча; и мы будем управлять ими по высшему праву, по праву немецкой нации предотвратить постоянное отделение от Германской империи ее заблудших детей. Мы, немцы, которые знают и Германию, и Францию, лучше знаем, что является благом для эльзасцев, чем эти несчастные люди, которым в извращенных условиях французской жизни было отказано в возможности узнать правду о современной Германии. Мы хотим, даже против их воли, вернуть их им самим» (цит. по: Zehn Jahre deutscher Kämpfe. Berlin, 1897. Bd. 1. S. 326 ff., перевод по: *Davis H.W.C.* Political Thought of H. von Treitschke. London, 1914. P. 110 ff.).Глубина чувств к Франции в Эльзасе была признана даже таким убежденным немецким националистом, как Макс Вебер,

циональности были образованы «договорами», свободным волеизъявлением, а Французская революция использовала плебисцит, в результате которого принадлежность к национальности стала определяться не объективными характеристиками, а субъективной декларацией. Основание швейцарской национальности было запечатлено Фридрихом Шиллером в «Вильгельме Телле», в знаменитой легендарной клятве на Рютли: «Wir wollen sein ein einig Volk von Brüdern»[30]. Эта мифическая декларация «Мы желаем быть единой нацией братьев» провозглашалась при рождении каждой нации, вне зависимости от того, возникала ли она в процессе долгой

еще в 1912 году: «В подобных чувствах надо искать объяснение, почему эльзасец не считает себя частью немецкой национальности: его политическая судьба с давних пор протекала во вненемецких условиях. Его герои – герои французской истории. Если вы спросите хранителя Кольмарского музея, что из его сокровищ ему дороже всего, – он проведет вас от Грюневальдского алтаря в комнату с триколором, со шлемами Помпье и прочих, и тому подобными памятными вещами явно ничтожного искусства, принадлежащего времени, которое означает для него героическое прошлое» (*Weber M.* Verhandlungen def Zweiten Deutschen Soziologentages. Tübingen, 1913. S. 50).

[30] По поводу характера швейцарской национальности см.: *Bluntsc Mi J.K.* Die Schweizer Nationalität // Gesammelte kleine Schriften. Nördlingen. 1879. Bd. I. S. 114–131. Карл Хилти в своей работе «Доклады о политике Содружества» (*Hilty K.* Vorlesungen über die Politik der Eidgenossenschaft. Bern, 1875) подчеркнул тот факт, что природа, язык и кровь разделяют швейцарцев между собой; а соединяет их сознание национального единства, основанного не на крови и родственных узах. «Конфедерация поставила перед собой высокую цель – построить из различных племен, посредством благотворного смешения в едином общем бытии, новую собственную национальность, которая заставит забыть племенные различия [и будет] сильнее, чем естественная тяга к племенному родству».

эволюции, в энтузиазме революции или в ходе непрерывной пропаганды, вызванной пробуждением масс. Национальности в качестве «этнографического материала», «прагматического» и случайного в истории существовали очень давно, но только пробуждение национального сознания активизировало их волю и превратило их в «абсолютные» факторы истории. Частое использование слова «национальность» не должно заслонить от нас тот факт, что именно недостаток волюнтаристического элемента и создает фундаментальное отличие между тем, что иногда называют национальностями до рождения современного национализма и современными национальностями. Основывать национальность на «объективных» факторах, таких как раса, – значит возвращаться к примитивному племенному строю. В наше время власть идеи, а не зов крови формирует национальности.

Национальности творятся из этнографических и политических элементов, когда национализм вдыхает жизнь в форму, созданную предшествующими столетиями. Таким образом, национализм и национальность тесно взаимосвязаны[31].

---

[31] «Национальность вовсе не обязательно заключается в языке, религии или общем прошлом, но обязательно в воле народа. Выражение этой воли обычно происходит через синтез некоторых составных элементов, которые мы только что перечислили, а иногда и их всех. Тем не менее национальность может прекрасно существовать и без некоторых из них и даже может ограничиться одним элементом, самым существенным: волей» (*Michels R.* Notes sur les moyens de constater la nationalité. The Hague, 1917. P. I). Сходным образом Арнольд Дж. Тойнби говорит о национальности, которая, «как все великие силы в человеческой жизни, не является чем-то материальным или механическим, но субъективным психологи-

Национализм есть образ мысли, присущий подавляющему большинству людей и претендующий на то, что он присущ все людям; он считает национальное государство идеальной формой политической организации, а национальность – ис-

---

ческим чувством живых людей. Это чувство можно зажечь под давлением одного или нескольких» факторов, таких как общая страна, язык или традиция (*Toynbee A.J.* Nationality and the War. London, 1915. P. 13). Франц Оппенгеймер выражает это кратко: «Мы должны не из нации выводить национальное сознание, а наоборот, из национального сознания – нацию» (*Oppenheimer F.* System der Soziologie. Jena, 1923. Vol. 1. S. 644; ср. *Sulzbach W.* Begriff und Wesen der Nation // Die Dioskuren. Münich, 1923. Bd. II. S. 140). Французский ученый предлагает сходное определение: «Будучи воспоминанием, национальность является идеалом; она является историей; но она еще и пророчество, творческое пророчество. Поэтому скажем, что национальность есть факт коллективного сознания, коллективное воля-бытие. Раса, религия, язык – все эти элементы являются или не являются факторами национальности в зависимости от того, входят они или нет в коллективное сознание» (*Hauser H.* Le Principe des nationalités: Ses origines historiques. Paris, 1916. P. 7). Некоторые авторы подчеркивают тот факт, что воли к формированию национальности недостаточно, особенно если речь идет об очень маленьких группах: «Коллективного воли-бытия недостаточно, необходимо еще и коллективная власть-бытие» (*Lavergne B.* Le principe des nationality et les guerres. Paris, 1911. P. 29).Принцип национальности, основанный на национальном сознании, подчеркивался в итальянском Рисорджименто. Граф Теренцио Мамиани делла Ровере сделал национальность основой объединения людей: *Mamiani della Rovere T.* Dall'ottima congregazione umana e del principio di Nazionalita // Mamiani délia Rovere T. D'un nuovo diritto Europeo. Turin, 1859. Паскуале Станислао Манчини, позднее министр иностранных дел Италии, вступая в 1851 году в должность в Университете Турина, в своем обращении «Deila Nazionalita come fondamento del diritto delle genti» указывал, что раса, язык, кровь, обычаи и история суть не более чем инертная материя, в которую только национальное сознание (conoscenza della nazionalita) вдыхает жизнь. Национальность для него – это коллективная свобода, а поэтому она «священна и божественна, как сама свобода».

точником творческой культурной энергии и экономического процветания. Высшая лояльность человека должна, таким образом, быть обращена на его национальность, так как предполагается, что его собственная жизнь тесно связана с благосостоянием национальности и в ней же укоренена. Короткий анализ компонентов этого определения поможет прояснить некоторые сложные вопросы.

Состояние ума подавляющего большинства. Даже до эпохи национализма можно найти индивидуумов, которые исповедовали чувства, сходные с национализмом. Но эти чувства всегда были индивидуальны; массы никогда не считали, что их жизнь – в культурном, политическом или экономическом аспекте – зависит от судьбы их национальной группы. Периоды гнета или опасности извне могут стимулировать чувство национализма в массах, как это случилось в Греции во время Персидских войн или во Франции в ходе Столетней войны. Но эти чувства быстро проходят. Как правило, войны, имевшие место до Французской революции, не возбуждали сильных национальных чувств. Во время религиозных и династических войн немцы воевали против немцев, а итальянцы против итальянцев, не осознавая «братоубийственной» природы этих действий. Солдаты и гражданские лица поступали на службу к «иностранным» правителям и зачастую служили им верно и преданно, что доказывает отсутствие всяких национальных чувств.

Национальное государство как идеальная форма полити-

ческой организации. Совпадение политических границ с этнографическими или лингвистическими – требование современности. В прошедшие времена тот факт, что город, поместье или многоязычное государство были связаны воедино династическими узами, считался приемлемой и даже «естественной» и идеальной формой политической организации. В другие периоды истории образованные классы, так же как и народные массы, верили в идеал универсального мирового государства, хотя технически и географически этот идеал оставался недостижим.

Национальность как источник культурной жизни. На протяжении почти всей истории религию рассматривали как истинный источник культурной жизни. Считалось, что человек становился творцом через глубокое погружение в религиозную традицию, через отречение от мирского в этом священном источнике. В определенные исторические периоды образованных людей считали особой цивилизацией, которая пересекала национальные границы, наподобие цивилизации рыцарства в средневековой Европе или культуры французского двора в XVII и XVIII веках. Во времена Просвещения и после него образование произрастало на почве классической цивилизации. Образование и просвещение как инструменты формирования человеческого ума и характера не были связаны национальными границами.

Национальность как источник экономического благосостояния. Эта фаза национализма, так же как и политиче-

ская, была подготовлена периодом абсолютной монархии, его меркантилизмом. Но меркантилизм так и остался схемой, навязанной сверху, попыткой достичь национального единства, к которому он на самом деле и не приблизился, продолжая средневековую неразбериху и разрушение экономической жизни и оставляя провинции, города и деревни центрами производства. Целью меркантилизма было усиление государства и его власти в международной политике. Система меркантилизма в период *laissez faire* ставила своей целью индивидуальное благосостояние. Экономический национализм привел к возникновению неомеркантилизма, наполнив жизнью форму, созданную монархами, так же как и в случае с централизованным государством. Экономический национализм возникает гораздо позже, чем политический или культурный национализм. Он исходит из того, что благосостояние индивидуума может быть достигнуто и обеспечено только экономическим могуществом нации. Тесная политическая и культурная самоидентификация индивидуума со своей национальностью, которая проявилась в конце XVIII – начале XIX века, распространилась на экономическую сферу только ко второй половине XIX столетия.

Высшая степень лояльности по отношению к национальности. Австрийскую монархию признавали только до тех пор, пока существовала преданность легитимному монарху; она пошатнулась тогда, когда объект лояльности сменился – от правящей династии к национальности. Всего лишь

несколько столетий назад церковь и религия требовали высшей степени преданности от человека; еретик преступал границы общества так же, как сейчас это делает «предатель» своей нации. Требование высшей степени преданности по отношению к национальности стало вехой, отметившей наступление эпохи национализма.

4

Национализм – это образ мысли. Можно представить исторический процесс как последовательность изменений в психологии общества, в отношении человека ко всем проявлениям частной и общественной жизни. Относительная ценность таких факторов, как язык, территория, традиции, таких чувств, как привязанность к родной земле, *Heimat,* к своим родным и роду, меняется вместе с изменениями в психологии общества. Национализм – это идея, *idée-force,* которая наполняет человеческий разум и сердце новыми мыслями и чувствами и побуждает человека к организованным действиям. Поэтому национальность – не просто держащаяся вместе и воодушевленная общим сознанием группа, это также группа, стремящаяся выразить себя в том, что она считает высшей формой организованного действия, – в суверенном государстве. Пока национальность не способна достичь этой цели, она удовлетворяется какой-либо формой автономии или протогосударственности, которая, тем не менее, всегда

стремится в определенный момент, в момент «освобождения», перерасти в независимое государство. Национализм требует национального государства; создание национального государства укрепляет национализм. Здесь, как и всегда в истории, мы видим взаимозависимость и взаимодействие.

«Национальность – способ мышления, соответствующий политической реальности»[32] или стремящийся ей соответствовать. Это определение отражает генезис национализма и современной национальности, родившейся из слияния определенного образа мысли и данной политической формы. Этот способ мышления, эта идея национализма наполнили форму новым содержанием и значением; форма дала идее возможности организованного выражения своих проявлений и стремлений. И идея, и форма национализма сформировались до эпохи национализма. Идея присутствовала у древних евреев и греков, обнаруживается она и в Европе эпох Просвещения и Реформации. В период Ренессанса интеллектуалы вновь открыли греко-римский патриотизм; но это новое чувство не распространилось в массы, а его секуляризм вскоре был искоренен повторной теологизацией Европы в ходе Реформации и Контрреформации. Но Реформация, особенно в форме кальвинизма, оживила национализм

[32] *Zangwill I.* The Principle of Nationalities. London, 1917. P 39. Макс Вебер определяет национальность как «общие узы чувства, адекватным выражением которого было бы собственное государство и которое поэтому стремится породить такое государство». См. также: *Zimmern A.E.* Nationality and Government, and Other War-Time Essays. London, 1918. P. 52.

Ветхого Завета. Благоприятные условия, сложившиеся в Англии, способствовали возникновению нового национального сознания, представлявшего англичан Божьим народом и объединившего всю нацию во время революции XVII века. Тем временем в Западной Европе новая политическая власть – власть абсолютного монарха – создала новую политическую форму, современное централизованное суверенное государство; и именно в эту политическую форму во времена Французской революции влилась идея национализма, наполняя ее сознанием, которое могли разделить все граждане, и осуществляя политическую и культурную интеграцию масс в нацию. С пришествием национализма массы больше не были частью нации, они стали принадлежать нации. Они идентифицировали себя с нацией, цивилизацию – с национальной цивилизацией, а собственное выживание увязывали с выживанием национальности. С тех пор национализм руководил действиями и установками масс и одновременно служил оправданием государственной власти и использования государством силы как против своих собственных граждан, так и против других государств.

Суверенность имеет двоякое значение. Один ее аспект касается отношений государства со своими гражданами, другой – отношений между государствами. Аналогично, чувство национализма проявляется двояко. Внутри нации оно ведет к установлению живой симпатии между всеми ее членами; вовне оно выражается в равнодушии или недоверии к

людям, находящимся вне национальной орбиты. Во внутринациональных отношениях люди руководствуются не только общими интересами, которые считаются постоянными, но также чувствами взаимной симпатии, обожания и даже готовности к самопожертвованию. В межнациональных отношениях они исходят из предполагаемого отсутствия общих интересов у различных государств и руководствуются чувствами от равнодушия до сильнейшей антипатии. Национальность, которая есть не что иное, как часть человечества, тщится строить из себя все человечество. Обычно до этого заключения не доходят, поскольку идеи, возникшие еще до эпохи национализма, продолжают оказывать свое влияние и сегодня. Эти идеи определяют саму сущность западной цивилизации, сформированной христианством и рационализмом Просвещения; веру в единство человечества и непреходящую ценность индивидуума.

Только фашизм, бескомпромиссный враг западной цивилизации, подтолкнул национализм к той самой черте, к тоталитарному национализму, в котором человечество и индивидуум растворяются и не остается ничего, кроме национальности – единственной и единой.

5

Каждый исторический период характеризуется определенным набором человеческих симпатий. Этот набор непо-

стоянен, а его изменения сопровождаются великими кризисами истории (обозначая смену периода). В Средние века население Иль-де-Франс питало сильную антипатию и презрение к жителям Аквитании и Бургундии. Еще недавно похожая антипатия существовала и в Египте между последователями Мухаммеда и местными христианами-коптами. В древности афиняне ненавидели и презирали спартанцев. Почти непреодолимый барьер разделял членов конкурирующих религиозных сект внутри общества. В Китае до недавнего времени чувства симпатии ограничивались семьей и лишь малая толика лояльности и любви доставалась нации или другой большей, чем семья, социальной группе.

Начиная с XIX века в западном мире и с XX века на Востоке круг симпатий стал определяться национальностью. Во многих случаях эти изменения повлекли за собой возникновение новых разделительных линий. Объединение людей в новые формы организации, их интеграция вокруг новых символов получили невероятный для прежних времен импульс. Быстрый рост населения, распространение образования, нарастающее влияние масс, современные информационные и пропагандистские технологии сообщили новому чувству национальности высокую интенсивность, которая очень быстро начала восприниматься как выражение чего-то «естественного» и извечного. Но это не означает, что сегодняшний круг симпатий не изменится в будущем. С трансформацией социальной и экономической жизни, с

ростом взаимозависимости всех национальностей на земле, которая становится все «теснее», с изменением направленности образования этот круг может расшириться настолько, что включит в себя сверхнациональные общие интересы и взаимную симпатию.

Такое распространение солидарности, если оно вообще возможно, произойдет только в результате беспрецедентной борьбы, поскольку национализм выражает «законные интересы», не только политические и экономические, но также интеллектуальные и эмоциональные, с такой напряженностью, какой не наблюдалось ни у одной предыдущей идеи. Перед всемогуществом национальности единое человечество кажется далекой идеей, бледной теорией, поэтической мечтой, в которой не пульсирует красная кровь жизни. Так оно и есть. Но ведь когда-то идея французской или немецкой нации была также не более чем абстрактной идеей. После долгого периода великих сражений и потрясений исторические силы оживили эту идею. Единое человечество было утопией XVIII века; уровень развития государства и экономики, технологии и коммуникаций не соответствовал тогда этой задаче. Сегодня все изменилось. В настоящее время национализм – изначально вдохновляющая идея, которая расширяла и углубляла понимание человеческой натуры, чувства солидарности, независимости и достоинства масс – кажется неспособным справиться, политически и эмоционально, с новой ситуацией. Когда-то он был великой силой жиз-

ни, стимулирующей эволюцию человечества; сегодня он может превратиться в мертвый груз на шагающем вперед человечестве.

Ни немецкая, ни французская нации не являются организмами более «природными», чем американская нация. Все они, так же как и национальное сознание, оживляющее их, были сформированы историческими силами[33]. В своем развитии и немецкое национальное сознание, и немецкое национальное государство преодолевали неисчислимые трудности и снова и снова подвергались угрозе крушения на рифах политических интересов, инерции древних и чтимых традиций и укоренившегося местничества и провинциализма. Пионеры национализма зачастую переставали верить в возможности достижения своей цели. Но национализм, наполняя сердца людей великой надеждой на новую свободу и лучшие, более гуманные отношения между людьми, победил. Сегодня ситуация изменилась. «Политический национализм в современных условиях противоречит основным тенденциям человеческого развития от изоляции к взаимозависимости. Его цель – не служение и взаимодействие, но исключительность и монополия»[34]. Индивидуальная свобода

---

[33] Ганс Делбрук обращает внимание на то, что в случае с *deutsches Volk* (немецким народом) мы имеем дело «не с естественно данной, но с возникшей в ходе истории структурой» (*Delbrück H.* Regierung und Volkswille. Berlin, 1914. S. 3 ff.).

[34] *Herberts.* Nationality and Its Problems. P. 161. Лорд Актон забил тревогу по поводу политического национализма очень рано, см.: *Acton J.* The History of Freedom and Other Essays. London, 1907. P. 270–300. С точки зрения экономики

человека должна в наши дни основываться на вненациональной основе. Демократия и индустриализм, две силы, возникшие одновременно с национализмом и распространившиеся с ним по всему миру, уже переросли к сегодняшнему дню национальное сознание.

Но «тридцатилетняя война» XX века продемонстрировала, насколько глубоко окопался национализм. Национальное государство обладает большей эмоциональной притягательностью, чем любая предыдущая политическая организация. Рост национализма повлиял на историографию и философию истории, и каждая нация составила свою собственную интерпретацию истории, которая не только позволяет ей чувствовать себя особенной по сравнению с другими национальностями, но также придает этому отличию фундаментальное, даже метафизическое значение. Нация чувствует, что она избрана для какой-то особой миссии и что осознание этой миссии необходимо для развития истории и даже для спасения человечества. Культурная и эмоциональная жизнь масс тесно интегрировалась в политическую жизнь посредством отождествления нации и государства (теоретический базис для которого был предложен Руссо). Поэтому любые изменения в принципах политической организации встретят

см.: *Batten E.* Nationalism, Politics, and Economics. London, 1919; *Mitscherlich W.* Nationalstaat und Nationalwirtschaft und ihre Zukunft. Leipzig, 1916. Призыв лорда Актона в защиту мультинациональных государств был поддержан Карлом Реннером: *Renner K.* Das Selbstbestimmungsrecht der Nationen in besonderer Anwendung auf Oesterreich. Vienna, 1918. Vol. I: Nation und Staat. S. 29.

сильнейшее сопротивление, которое, невзирая на соображения рационального и универсального блага, будет апеллировать к глубоко укоренившимся традициям.

Социологи указали на близость национализма и религиозного движения. «Они оба – фундаментально культурные движения с побочными политическими последствиями»[35]. Эти последствия, тем не менее, не случайны; скорее они обусловлены определенными стадиями исторического развития. В определенный период истории религия – по существу, духовное движение – имела серьезные политические последствия. Она формировала и политику, и общество, в котором доминировала. Сейчас то же самое можно сказать про национализм. Когда бесконечные жестокие религиозные войны угрожали разрушением человеческого счастья и цивилизации, движение Просвещения, волна рационализма, возникшая около 1680 года и господствовавшая на протяжении XVIII века, готовили деполитизацию религии. В этом процессе религия не потеряла своего истинного достоинства; она осталась одной из великих духовных сил, утешающих и возвышающих человеческую душу. Но она утратила элемент насилия, который был присущ ей на протяжении многих столетий; ее связь с государством, с политической властью была ограничена; религия отступила в область интимности и спонтанности индивидуального созна-

---

[35] *Burgess E.W., Park R.E.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1924. P. 931.

ния. Процесс деполитизации религии шел медленно. Потребовалось два столетия после появления «Кровавого Узника Совести…», опубликованного Роджером Уильямсом в 1644 году, чтобы хотя бы в Западной Европе эта тенденция получила общее признание. Можно представить себе сходную деполитизацию национализма. Он может потерять свои связи с политической организацией, остаться интимным и трогательным чувством. Если этот день когда-либо придет, эпоха национализма – в том значении, в котором она здесь понимается, – закончится.

В эпоху национализма нации выступают в качестве великих корпоративных деятелей истории; несовпадения национальных характеров и точек зрения задают ход исторических событий. Только в это время воля наций – более, чем воли индивидуумов, династий или вненациональных организаций, таких как церковь или классы, – приобретает решающее влияние; поэтому для осознания собственной истории требуется феноменология наций и их характеров. Эти характеры не определены исторически или биологически, они также не являются постоянными на протяжении времени; они – продукт социального и интеллектуального развития, бесконечного разнообразия поведения и реакций, многие из которых с трудом различимы в потоке прошлого, из которого историк выбирает то, что ему кажется существенным и характерным. В то время как формирование национальных характеров наблюдалось на протяжении многих столетий, их кри-

сталлизация произошла в эпоху национализма. В западном мире, в Англии и Франции, в Нидерландах и Швейцарии, в Соединенных Штатах и в сфере британского влияния, подъем национализма был в основном политическим явлением; ему предшествовало формирование национального государства или, как в случае с Соединенными Штатами, совпадало с ним. За пределами западного мира, в Центральной и Восточной Европе и в Азии национализм возник не только позднее, но и на более низком уровне социального и политического развития: границы существующего государства и поднимающейся национальности редко совпадали; национализм там развивался в противоречии и в конфликте с существовавшей формой государства. Национализм стремился не столько создать народное государство, сколько передвинуть политические границы в соответствии с этнографическими требованиями.

По причине отсталого состояния политического и социального развития этот поднимающийся за пределами западного мира национализм в первую очередь проявился в культурной сфере. Вначале он был мечтой ученых и поэтов, не поддержанных общественным мнением; мечтой, которая не существовала в реальности и которую ученые и поэты старались создать – на уровне образования и пропаганды, но вряд ли в политике и правительстве. В то же время растущий национализм и все социальное и интеллектуальное развитие за пределами Западной Европы находились под влиянием За-

пада, долгое время служившего моделью развития. Именно эта зависимость от Запада со временем начала уязвлять гордость местных образованных классов, как только они начали формировать свой собственный национализм, что закончилось противостоянием «чужеродному» образцу с его либерализмом и рационализмом.

Каждый новый национализм, получая первоначальный импульс от культурного контакта с другим, более старшим национализмом, искал обоснования и подтверждения своей уникальности в собственном прошлом, в простоте и древности собственных традиций, противопоставляя их западному рационализму и универсальным стандартам. Национализм на Западе возник в связи с попыткой построения нации в условиях современной политической реальности; он не придавал особого значения сантиментам по отношению к прошлому. Националисты в Центральной и Восточной Европе часто использовали мифы прошлого и мечты о будущем для создания идеала отчизны, тесно связанного с прошлым, лишенного всякой непосредственной связи с настоящим. Ожидалось, что когда-то этот идеал станет политической реальностью. Таким образом, реальность не служила ограничителем для националистов, приписывавших идеалу различные качества, за реализацию которых они не несли ответственности. Но эти качества повлияли на нарождающийся образ нации и понимание ее «миссии». В то время как истоки западного национализма следовало искать в концеп-

циях индивидуальной свободы и рационального космополитизма, характерных для XVIII века, более поздний национализм Центральной и Восточной Европы, а также Азии развивался в противоположном направлении. Этот новый национализм зависел от внешних воздействий и в то же время противодействовал им; он не был укоренен в политической и социальной реальности, ему не хватало достоверности; его комплекс неполноценности зачастую компенсировался подчеркнутой самонадеянностью, свой собственный национализм казался националистам в Германии, России или Индии чем-то неизмеримо более глубоким, чем национализм Запада, а потому обладающим большим потенциалом. Поиск значения немецкого, русского или индийского национализма, размышления о «душе» и «миссии» нации, нескончаемая дискуссия об отношениях с Западом – все это стало характеристикой новой формы национализма.

Национализм на Западе основывался на национальности, которая являлась продуктом социальных и политических факторов; национализм в Германии не основывался на рациональной социальной концепции, он нашел себе подтверждение в «естественной» реальности общества, объединенного не волей его членов и не обязательствами контракта, но традиционными связями родства и положения. Немецкий национализм заменил правовую и рациональную концепцию «гражданства» несравненно более размытой концепцией «народа», которая, впервые употребленная немецкими

гуманистами, была позднее детально разработана Гердером и немецкими романтиками. Эта концепция будила воображение и возбуждала эмоции. Казалось, ее корни уходили в глубину примитивных времен и прорастали тысячами ростков бессознательного развития, не освещенного ярким светом рациональных политических целей. «Народ» уподоблялся силам природы и был окутан мраком таинственности[36]. Несовпадение концепций нации и национализма явилось историческим следствием неодинакового влияния Ренессанса и Реформации на Германию и на Западную Европу.

На Западе Ренессанс и Реформация создали новое общество, в котором средний класс и светское образование приобретали растущее влияние, а римская универсальная имперская концепция Средневековья была забыта не только в жизни, но и в теории. Но эта средневековая идея мировой империи задержалась в Центральной и Восточной Европе и даже набрала силу благодаря исследованиям старины. Ренессанс и Реформация не смогли сильно изменить политический и социальный порядок в Германии; они остались чисто научными и теологическими событиями. И уже совсем не за-

[36] «Западный национализм… уравнял нацию и общество, т. е. он уже поместил понятие национальности вне природных сил. Принадлежащие к данной нации чувствуют себя дома лишь в своей культуре. Немецкий национализм абсолютизировал связи между созданным гуманистами понятием „народности“ и немецкой философией государства, придав последней направление, которое в конце концов отделилось от западного хода развития» (*Joachimsen P.* Zur historischen Psychologie des deutschen Staatsgedankens // Die Dioskuren. Münich, 1922. Vol. I. S. 115,139).

тронутыми Ренессансом и Реформацией оказались Россия и Ближний Восток, в результате чего существовавший с древности разрыв между Западной и Восточной империей еще более углубился. Московским князьям XVI века представлялось, что цель русской истории, подобно римской, – «объединение в одно органичное целое различных наций Востока и Запада». Указ 1589 года об учреждении Патриаршества Московского констатировал: «Старый Рим разрушен из-за ереси Аполлинария, а второй Рим, который есть Царьград, находится в руках безбожников турков, твое великое царство, о боголюбивый царь, есть третий Рим»[37].

В то время как на Западе универсальная традиция исчезла, а на Востоке она начала приобретать политически эфемерное, хотя и метафизически более прочное существование, Германия, находящаяся в центре континента, казалось, колебалась между Западом и Востоком, между сплочением в национальное государство и все еще влиятельной традицией мировой империи. Выживание этой традиции в Германии обеспечивалось комплексностью и иррациональностью устройства империи, нечеткостью ее границ и неопределенностью ее амбиций. Италия и Бургундия на юге и западе, Богемия, Венгрия и другие земли на востоке часто рассматривались как часть Империи и, следовательно, как потен-

[37] *Zemov N.* Moscow the Third Rome. London, 1937. P. 47, 49.Обратный перевод известного текста «Филофеева корпуса», цитируемый Коном по англоязычной работе Николая Зернова. Ссылка на грамоту об учреждении патриаршества ошибочна. – *Примеч. пер.*

циальное немецкое жизненное пространство. Современный немецкий историк Генрих фон Србик хорошо сформулировал эту вечную мировую мечту: в немцах он видит избранных носителей мировой имперской идеи и горько сожалеет, что в XVI веке немцы повернулись к самим себе, оставив дух экспансии и колонизации, который в Средние века являлся могучим основанием их мировой империи[38].

В XVII веке социальная и политическая основа, на которой мог бы вырасти современный немецкий национализм, еще более ослабела. В то время как в Западной Европе религия стала ведущей силой в пробуждении современного политического и социального сознания, немецкое лютеранство[39]

---

[38] Гейнрих Риттер фон Србик называет немецкий народ избранным носителем мировой имперской идеи. «Когда мировая империя Карла V вынуждена была остаться без единой и могучей немецкой основы, тогда и началась внутренняя, заключенная в себя самое и ограниченная унаследованными поселениями жизнь величайшего народа-колонизатора Средневековья, [а вместе с ней и] экономический и мыслительный застой, недостаток мужества, взлет индивидуалистической и партикуляристской мысли и потеря себя в конфессиональной борьбе» (*Srbik H.R. von.* Deutsche Einheit. Münich, 1935. Bd. I. P. 36, 49).

[39] «Из лютеранства происходит (по крайней мере, отчасти) стремление немцев, обладающих чисто духовной свободой, не столько искать политической свободы, сколько слепо доверять начальству, полагаться больше на „сознательность“ правящих, нежели на политически организованный контроль за правящими. По-настоящему лютеранским является стеснение немецкой духовности и боязнь слишком активного вмешательства в политику, немецкая знаменитая тяга к миру иному. Поскольку германским лютеранским церквам никогда не приходилось, подобно западноевропейским кальвинистам, бороться за собственное политическое влияние и поскольку политическая жизнь их территориальных государств находилась по меньшей мере в застое, у лютеранских церквей отсутствовало

вело к политической пассивности: немцев устраивало положение подданных, они не пытались стать гражданами. Религиозная пропасть разделила страну на две части, все более отличающиеся друг от друга с течением времени; католики и протестанты выступали как противники на полях сражений на протяжении полутора столетий, а теологизация всего жизненного уклада привела к прекращению всяких культурных контактов, в результате интеллектуальная жизнь католиков и протестантов развивалась независимо друг от друга. Обе церкви беспрекословно поддерживали князей, а точнее, своих князей; новые централизованные княжества неизбежно укреплялись в оппозиции к проявлениям немецкого национализма, который могла бы представлять только Империя, чьи средневековые основания более не соответствовали изменяющимся социальным и политическим реалиям.

Имперское рыцарство и свободное крестьянство – последние социальные силы, связывавшие свои устремления с империей, – к 1550 году потерпели поражение и с тех пор утратили свое влияние. С социальной и экономической точки зрения они не были прогрессивными силами; они оглядывались назад, на идеалы и реалии XIII века, на средневековые свободы, которые они хотели бы возродить. Вскоре

естественное стремление к собственно политической активности; именно отсюда и из ограниченности мира маленьких немецких территориальных государств происходит известная политическая пассивность немецкого лютеранства» (*Ritter G.* Die Ausprägung deutscher und westeuropäischer Geistesart im konfessionellen Zeitalter // Historische Zeitschrift. Bd. CXLIX (1929). № 2. S. 247 ff.).

после того, как немецкие свободные имперские города стали приходить в упадок, городские сословия на Западе начали приобретать беспрецедентное социальное и политическое влияние. В Германии же новые социальные силы укреплялись медленно и болезненно. Они более не были связаны с империей. Их политической средой было территориальное государство, чей авторитет подкреплялся Реформацией. Так как общественное мнение было целиком и полностью поглощено теологическими вопросами, территориальное разделение религии стало еще одним препятствием для возможного национального единения. Мирный договор 1648 года стал вехой в распаде универсальной имперской идеи и Германии как ее носителя[40].

В то время как имперская идея не находила поддержки во владениях католиков Габсбургов, новые интеллектуальные концепции и формы общества возникали на севере. Две независимые и зачастую враждебные друг другу силы – образованный класс и правители Пруссии[41] – играли решающую роль в формировании современной Германии. Образован-

---

[40] Национал-социалистическая Германия хотела в качестве первого шага разорвать мирный договор 1648 года. См.: *Koop F., Schulte E.* Der Westfälische Frieden. Münich, 1940. Шиллер высоко оценивает этот договор в своем прологе к «Лагерю Валленштейна».

[41] Австрия и Пруссия стали центрами немецкой политической жизни. В обеих странах «национальный принцип мог быть только колонизаторским, существование его зависело от положения [немцев как] господ по отношению к славянству» (*Joachimsen P.* Zur historischen Psychologie des deutschen Staatsgedankens // Die Dioskuren. Münich, 1922. Vol. I. S. 156).

ный класс был тесно связан с лютеранским пасторатом, к которому принадлежало большинство его представителей. Их интеллектуальная жизнь – хотя иногда смелая и инициативная в отношении внутреннего мира человека – оставалась чуждой политической реальности и невосприимчивой к социальной ответственности. Они не признавали общественное мнение как важный фактор государственной жизни, они никогда не мечтали о политическом влиянии и не стремились к нему. В лучшем случае они могли быть сознательными слугами князей, но никогда не критиковали их и не руководили ими. В то время как в интеллектуальном плане они находились под влиянием западной мысли, их общественное поведение оставалось не затронутым ею. *République des lettres* Запада, так же как в греческой Античности, будучи политическим сообществом, являлось важной составной частью национальной структуры; *Gelehrtenrepublik* существовала вне политики, на обочине общества, не оказывая на него никакого влияния. Она существовала в государстве, но не была государственной, и само ее существование в государстве являлось второстепенным: никакие узы не связывали ученого с княжеством, кроме факта проживания. Княжество, *Fürstenstaat,* принадлежало князю. Несмотря на то что Гогенцоллерны в Бранденбурге и Пруссии (яркие представители немецких владетельных князей) вели значительную созидательную работу, рациональное строительство, вдохновленное идеями английских и французских философов о

пользе и морали (в чем проявлялась их зависимость от Запада, подобная зависимости образованного класса), все же и здесь общественная организация оставалась по духу и отношению чуждой Западу. Образованный класс и прусские принцы действовали независимо, между ними отсутствовало взаимопонимание и они не были способны оценить взаимные заслуги по достоинству. Лишь в начале XIX века началось сотрудничество и слияние образованного класса и знати. Это стало возможным благодаря живительному воздействию Французской революции, при помощи нового понятия «народ» (volk) – наследия самого яркого и творческого из немецких эрудитов-националистов, Иоганна Готтфрида Гердера…

Роджерс Брубейкер
Мифы и заблуждения в изучении национализма[42]

Лишь короткое запоздание отделяет всплеск национализма в Восточной Европе и в других частях света от еще более мощного всплеска интереса к изучению национализма. Став «жгучим вопросом», национализм стремительно переместился с первых страниц газет на страницы журналов, с периферии – и зачастую с отдаленной периферии – в центр многочисленных научных дисциплин и субдисциплин. Эта новая важность национализма неоднозначна. С одной стороны, твердый спрос на знание о национализме (и «рецепты» от него) дает новые возможности, предоставляет ресурсы и гарантирует внимание к теме. С другой стороны, стремительное ее расширение стимулирует появление аналитически примитивных подходов к изучению национализма[43],

---

[42] Автор выражает благодарность Жуже Беренд, Маргит Фейшмидт, Йон Фокс, Марку Грановеттеру, Джону Холлу, Виктории Коротеевой, Питеру Левенбергу, Джону Мейеру, Ласло Немени, Маргарет Сомерс, Петеру Стаматову, Дэйвиду Старку и Рональду Суни за комментарии и советы.

[43] Частичный список будет включать в себя исследования по международным отношениям и безопасности (поскольку окончание холодной войны заставило переосмыслить понятия «безопасность» и «угроза»); политологию (так как изучение национализма распространилось из своей традиционной области, сравнительной политологии, в более теоретически амбициозные, сознательно «науч-

угрожая размыть (или просто потеснить, учитывая объем новой литературы) аналитические достижения солидных работ таких ученых, как Бенедикт Андерсон, Джон Армстронг, Джон Брейли, Эрнест Геллнер, Энтони Смит и других[44].

В настоящей работе предполагается обратиться, выражаясь словами Чарльза Тилли, к шести «опасным постулатам», шести мифам и заблуждениям, распространившимся благодаря головокружительному расширению объема литературы и квазилитературы по предмету, которая оставляет свой след (зачастую негативный) в изучении этничности и национа-

---

ные» области науки о политике); теорию рационального выбора (в социологии и политологии); антропологию (так как она все более концентрируется на сложных, «современных» обществах); социологию (особенно учитывая «культурный поворот» сравнительной, исторической и политической социологии); этнографию (с частичной конвергенцией литературы по этничности и национализму); культурологию; сравнительное литературоведение; историю искусства; гендерные исследования; музыкологию и различные региональные исследования, включая яркий пример научной перестройки, постсоветские и восточноевропейские исследования.

[44] В области постсоветских исследований научные работники, неотягощенные не только минимальным знакомством со специальной сравнительной и теоретической литературой в данной области, но и с более общей теоретической и эмпирической литературой общественных наук, поспешно конвертировали свой интеллектуальный капитал, неожиданно обесцененный концом холодной войны, в новые формы, например, переключившись с исследований вооружений на этнические и национальные конфликты в рамках изучения проблем безопасности. В других областях, далеких от традиционного исследования национализма, восприятие исторической и социологической литературы по национализму было очень выборочным.

лизма[45]

[45] Например: *Anderson B.* Imagined Communities. London, 1991; *Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; *Breully J.* Nationalism and the State. Manchester, 1982; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983; *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.